

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 1 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЕВРЮГИНА Ольга Александровна	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL**“RUSSIAN LAW ONLINE”**

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Associate Processor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University “MITSO”
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of social security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Olga A. SEVRYUGINA	Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Сулейманов Б. Б. Государственность: проблемы осмысления категории	5
Елисеева В. С. Мониторинговые технологии в юридическом образовании: вопросы формы и содержания	10

РАКУРС

Багдасарян С. Д. История как детерминант правовой культуры	15
Токарев В. А. Эволюция представлений о «хранителе конституционной идентичности» в юридической науке (XVIII–XX вв.)	20

РОССИЯ

Серебренникова А. В. Преступления против собственности: эволюция и революция	27
Красильникова Е. В. Право граждан на изменение имен и фамилий в Советской России в 1920-е гг.	31

МИР

Морозенская Е. В. Постколониальный опыт африканских государств в выборе экономической политики и формировании хозяйственного законодательства	37
Чупилкина А. Ф. Мировые войны и конституционная трансформация	42

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Голоскоков Л. В. Рациональные и иррациональные начала в современном праве	49
--	----

CONTENTS

TRENDS

Suleymanov B. B. <i>Statehood: Problems of Category Understanding</i>	5
Eliseeva V. S. <i>Monitoring Technologies in Legal Education: Form and Content Issues</i>	10

PERSPECTIVE

Bagdasaryan S. D. <i>History as a Determinant of Legal Culture</i>	15
Tokarev V. A. <i>Evolution of Ideas about the «Guardian of Constitutional Identity» in Legal Science (18th-20th Centuries)</i>	20

RUSSIA

Serebrennikova A. V. <i>Crimes against Property: Evolution and Revolution</i>	27
Krasilnikova E. V. <i>The Right of Citizens to Change First and Last Names in Soviet Russia in 1920s</i>	31

WORLD

Morozenskaya E. V. <i>Post-Colonial Experience of African States in Choosing Economic Policies and Economic Legislation Formation</i>	37
Chupilkina A. F. <i>World Wars and Constitutional Transformation</i>	42

POINT OF VIEW

Goloskokov L. V. <i>Rational and Irrational Principles in Modern Law</i>	49
---	----

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ

Сулейманов Бигрузи Бухаринович, заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, кандидат исторических наук, доцент
367008, Россия, Махачкала, ул. Агасиева, д. 87
doktorb@yandex.ru

© Сулейманов Б. Б., 2020

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты категории «государственность» как состояния государственно-организованного общества. Исследуются сложившиеся в отечественной научной литературе подходы, позиции. Автор предлагает понимать государственность как качественное состояние общества и его институтов, позволяющее адекватно функционировать ему, отвечая на внутренние и внешние вызовы. Однако значительные аспекты указанной категории остаются неоднозначными, что является основой для обсуждения и дальнейших исследований.

Ключевые слова: государство; право; государственность; государственное образование; правовая система; общество; правовые нормы; суверенитет.

STATEHOOD: PROBLEMS OF CATEGORY UNDERSTANDING

Bigruzi B. Suleymanov, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, North Caucasus Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice
ul. Agasieva, d. 87, Makhachkala, Russia, 367008
doktorb@yandex.ru

Abstract. The article analyzes some aspects of the category «statehood» as an element of a state-organized society. The author examines approaches and attitudes developed in the domestic scientific literature. The author proposes to understand statehood as a qualitative state of the society and its institutions that allows the state to function properly, responding to internal and external challenges. However, significant aspects of the category under consideration remain ambiguous, which is the basis for discussion and further research.

Keywords: state; law; statehood; state entity; legal system; society; legal norms; sovereignty.

В современный период в научной литературе применяется множество терминов, которые раньше так часто не использовались. Одним из таких терминов является государственность. Он получил «вторую жизнь» во время и после известных масштабных преобразований, которые были произведены в нашей

стране. Распад СССР и формирование из РСФСР полноценного суверенного государства способствовали появлению различного рода теоретических изысканий. Закономерными стали некоторые вопросы, вставшие перед представителями гуманитарных и общественных наук. К таковым можно отнести: вопрос о единстве и преемственности государств и государственных образований на территории России на протяжении тысячелетия; можно ли признать единой государственностью Киевскую Русь и Московское царство одной государственностью? Аналогичный вопрос может быть задан и в отношении Российской империи и Советского Союза. Очевидно, эти государства и государственные образования имеют много общих и отличительных признаков. Другим важным моментом, который повлиял на усиление интереса к государственности, стал формально-юридический аспект: развитие исследований о государстве как социальном институте и политической организации привел ученых к проблеме соотношения этих категорий. На наш, взгляд, именно эти обстоятельства и предопределили усиление научного интереса к категории государственности.

Однако имеется еще один момент, на который начали обращать внимание некоторые ученые-правоведы. Это, в частности, отражение, исследование различных аспектов государственности в юридических науках, что касается прежде всего теории государства и права. Так, А. С. Смыкалин указывает, что в теории государства и права объект исследования четко не определен, поскольку «государственность приравнивают к государству, считают частью государства, отождествляют с гражданским обществом либо даже с правовым государством»¹. Такое утверждение нуждается в дополнительном обосновании. Укажем на еще обстоятельство, которое уже обозначено в правовой литературе. Многие уверены, что ограниченность предмета теории государства и права в части изучения государственности предполагает наличие другой дисциплины. И такая дисциплина, по мнению ряда ученых, — это государствоведение. Автор учебника и концепции государствоведения В. Е. Чиркин определяет предмет государствоведения следующим образом: изучение государства в широком значении — государственности, элементы которой присущи субъектам (составным частям) федераций и национально-государственным образованиям»². Далее автор конкретизирует свою позицию: «Предмет государствоведения — возникновение и тенденции развития государства и права и его институтов, взаимоотношения государства с другими общественными явлениями в структуре связей: государство-общество-коллектив — человек, организация функции и методы деятельности государства и его различных органов. Роль должностных лиц и государственных служащих, соотношение государства и местного самоуправления»³.

Утверждение о том, что теория государства и права ограничена при исследовании государственности, вряд ли соответствует действительности. Как нам кажется, прежде всего, целесообразно выявить соотношение государственности с государством. Безусловно, здесь могут быть разные позиции и мнения. Некоторые исследователи, в том числе и известные, достаточно легко, без анализа их различий, используют термины «государство» и «государственность» как синонимы. Об этом свидетельствует достаточно много работ различного уровня и характера. Такая идентификация может быть следствием сложившегося стиля научного текста⁴. Однако есть и такие авторы, которые считают, что указанные категории отличаются, но при этом не спешат их точно определить или разграничить. Такая позиция популярна, и, думается, оправдана, если работа прямо не посвящена проблемам государственности

¹ Смыкалин А. С. Проблемы российской государственности в юридических и исторических науках: понятия, подходы, периодизация // Российский юридический журнал. 2013. № 1 (88). С. 13.

² Чиркин В. Е. Государствоведение. М., 1998. С. 10.

³ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 12.

⁴ Мамут Л. С. Современная российская государственность и культура демократии // Государство и право. 2009. № 1. С. 5.

и права⁵. Между тем ценность представляет работы тех исследователей, которые прямо высказываются о соотношении указанных категорий.

Прежде всего, отметим, что попытки строгого определения государственности начинаются с утверждения, что государственность и государство не совпадают. При этом, как правильно отмечают ученые, государственность шире, чем государство. Или же, как подчеркивают некоторые правоведы, государственность — это государство в широком значении этого слова. Нам импонирует позиция, согласно которой государственность — это некое свойство общества, его организация, которая обеспечивает ее жизнедеятельность, создает условия для сосуществования всех лиц с различными интересами и потребностями. Государственность — это качественное состояние общества и его институтов, позволяющее ему адекватно функционировать, отвечая на внутренние и внешние вызовы. В целом такой позиции придерживается А. С. Шабуров. Он пишет: «Государственность — это качественное состояние государственно организованного общества, определяемое устойчивостью и преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических и иных факторов»⁶. Автор использовал свойства устойчивости и преемственности для охвата таких возможных аспектов, как статика и динамика государств и государственных образований, действовавших и действующих на определенной территории в рамках социальной общности. Важно отметить, что государственность является состоянием общества. Общество порождает государственность для выполнения специфических задач и функций. В частности, государственность обеспечивает территориальное и институциональное единство.

Думается, что конкретное проявление государственности зависит от множества факторов. В частности, от уровня развития самого общества, от численности населения и территориального охвата, от вызовов в конкретный период развития и т.п. Государственность способствует реализации необходимых функций для нормального функционирования общества. Отдельные исследователи, в частности А. С. Шабуров, отмечают, что государственность не является абстрактным понятием: размеры территории и численность населения, а также иные количественные характеристики не характеризуют государственность⁷. Такой вывод нуждается в разъяснении. На наш взгляд, государственность как понятие имеет несколько общий характер по отношению к конкретным государствам и государственным образованиям, функционировавшим в рамках одной социальной общности. Ведь, когда мы говорим о российской государственности, то применяем уровень обобщения, охватывающий все формы, особенно типические, которые были в рамках российской цивилизации в течение всего исторического времени. Следовательно, в характеристике государственности сохраняются в первую очередь общие, определяющие черты действовавших и действующих государственных образований. Поэтому, как представляется, без известной абстракции здесь не обойтись. Именно поэтому логически возможен вывод об отсутствии прямой связи между территориальным охватом и численностью населения с государственностью. При этом очевидно, что указанные факторы весьма существенно влияют на характер государственных образований, которые функционировали в рамках исторических общностей. Вспомним хотя бы утверждения крупнейших мыслителей, правоведов и историков о влиянии весьма обширной территории на характер публичной власти. Однако отдельные исследователи при определении государства указывают временные рамки ее функционирования. Так, В. Л. Кулапов и А. В. Малько определяют государственность как «уровень, состояние государственно-организованного общества на определенном этапе своего развития»⁸. Возможно рассмотрение, изучение государственности на исторически

⁵ Маскютин М. В. К вопросу о понятии российской государственности // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 75.

⁶ Шабуров А. С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 3 (83). С. 128.

⁷ Шабуров А. С. Указ. соч. С. 128.

⁸ Кулапов В. Л., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2009. С. 57.

определенном этапе. Но при таком понимании уровень абстракции будет несколько ниже. Однако есть и другие, более конкретные проявления государственности. Известный теоретик государства и права А. Б. Венгеров указывал, что российскую государственность составляют «возникновение и развитие Российского государства, его различные типы, формы, функции на различных этапах истории России, преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации российского общества, словом, государственно-правовые процессы, происходящие в течение длительного периода жизнедеятельности русского этноса»⁹. При таком понимании государственности речь идет не столько о состоянии, сколько о процессе. Очевидно, понятие государственности несколько расширяется.

Сторонником широкого понимания государственности является и В. А. Затонский. По его мнению, к компонентам государственности относятся государство, право, государственный строй, политическая и правовые системы, правоотношения, правосознание, законность, государственная власть, государственное управление, правопорядок и др.¹⁰

Перечислив достаточно много компонентов государственности, автор, оставил их перечень открытым. На наш взгляд, вряд ли уместно включать в состав государственности правоотношение, правопорядок, законность, поскольку они являются сугубо юридическими явлениями. Даже исключив эти правовые явления, государственность превращается в суперкатегорию юриспруденции. Как нам кажется, приведенная позиция нуждается в обосновании.

Закономерным представляется вопрос о возможности формирования государственности до возникновения государства. Думается, что ответ на этот вопрос является спорным. С одной стороны, в предгосударственный период существовали некие структуры, реализовывающие отдельные функции, которые в современный период характерны для государства¹¹. Можно сказать, что начало формирования институциональной структуры общества, которая еще не содержит полноценную публичную власть, можно признать государственностью. Думается, что такие структуры должны отличаться от институтов родовой общины. Следовательно, государственность может быть и при отсутствии единого полноценного государства. Наличие государственных образований в виде субъектов федерации или даже территориальной автономии в рамках унитарного государства свидетельствует о наличии государственности. Однако в таком случае возникает закономерный вопрос: являются ли эти государственно-территориальные организации публичной власти, причем не имеющие суверенитета, полноценной государственностью? Наверное, можно утверждать, что полноценная государственность формируется при наличии суверенного государства.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что «государственность» как термин еще не заняла подобающего ей места в системе юридических категорий. Очевидно, многие ее аспекты нуждаются в изучении и обосновании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. — М., 1998. — 624 с.
2. Затонский В. А. Эффективная государственность / под ред. А. В. Малько. — М., 2006. — 286 с.
3. Каск Л. И. Функции и структура государства. — Л., 1969. — 69 с.
4. Кулапов В. Л. Малько А. В. Теория государства и права : учебник. — М., 2009. — 384 с.

⁹ Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. М., 1998. С. 207.

¹⁰ Затонский В. А. Эффективная государственность / под ред. А. В. Малько. М., 2006. С. 28.

¹¹ См.: Каск Л. И. Функции и структура государства. Л., 1969. 69 с.

5. Мамут Л. С. Современная российская государственность и культура демократии // Государство и право. — 2009. — № 1. — С. 5–14.
6. Маскютин М. В. К вопросу о понятии российской государственности // Вестник Московского университета МВД России. — 2008. — № 12. — С. 75–76.
7. Смыкалин А. С. Проблемы российской государственности в юридических и исторических науках: понятия, подходы, периодизация // Российский юридический журнал. — 2013. — № 1 (88). — С. 12–15.
8. Чиркин В. Е. Государствоведение. — М., 1998. — 400 с.
9. Шабуров А. С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия Байкальского государственного университета. — 2012. — № 3 (83). — С. 126–130.

REFERENCES

1. Vengerov AB. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov [Theory of state and law: textbook for law universities]. Moscow; 1998 (In Russ.).
2. Zatonskiy VA, Malko AV, editor. Effektivnaya gosudarstvennost [Effective statehood]. Moscow; 2006 (In Russ.).
3. Kask LI. Funktsii i struktura gosudarstva [The functions and structure of the state]. Leningrad; 1969. (In Russ.)
4. Kulapov VL, Malko AV. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Theory of State and Law: A Textbook]. Moscow; 2009. (In Russ.).
5. Mamut LS. Sovremennaya rossiyskaya gosudarstvennost i kultura demokratii [Modern Russian statehood and culture of democracy]. *State and Law*. 2009;1:5-14 (In Russ.).
6. Maskyutin MV. K voprosu o ponyatii rossiyskoy gosudarstvennosti [To the question of the concept of Russian statehood]. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2008;2:75-76. (In Russ.).
7. Smykalin AS. Problemy rossiyskoy gosudarstvennosti v yuridicheskikh i istoricheskikh naukakh: ponyatiya, podkhody, periodizatsiya [Problems of Russian statehood in legal and historical sciences: concepts, approaches, periodization]. *Russian Juridical Journal*. 2013;1(88):12-15. (In Russ.).
8. Chirkin VE. Gosudarstvovedenie [State Studies]. Moscow; 1998. (In Russ.).
9. Shaburov AS. Gosudarstvo i gosudarstvennost: voprosy sootnosheniya [A state and statehood: issues of correlation]. *Bulletin of Baikal State University*. 2012;3(83):126–130. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.13.1.010-014

МОНИТОРИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ВОПРОСЫ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Елисеева Вера Сергеевна, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации
603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское ш., д. 3
ledin888@yandex.ru

© Елисеева В. С., 2020

Аннотация. В статье представлен авторский подход к пониманию содержания понятия «современные технологии в юриспруденции». Проанализирован вопрос имплементации современных юридических технологий в образовательный процесс. Рассмотрена роль мониторинговых технологий в юридическом образовании в качестве объекта изучения и образовательной технологии.

Ключевые слова: юриспруденция; юридическое образование; образовательная технология; юридическая технология; мониторинг.

MONITORING TECHNOLOGIES IN LEGAL EDUCATION: FORM AND CONTENT ISSUES

Vera S. Eliseeva, Senior Lecturer, Department of Constitutional and International Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ul. Ankudinovskoe shosse, d. 3, Nizhny Novgorod, Russia, 603950
ledin888@yandex.ru

Abstract. The paper presents the author's approach to understanding the content of the concept «modern technologies in jurisprudence». The author has analyzed the issue of implementation of modern legal technologies in the educational process. The paper also examines the role of monitoring technologies in legal education as an object of study and educational technology.

Keywords: jurisprudence; legal education; educational technology; legal technology; monitoring.

В юридической науке сегодня широко обсуждаются вопросы современных технологий как в юриспруденции в целом, так и в юридическом образовании. Но «фокус» научных исследований смещен в сторону в первую очередь информационных технологий. Тем не менее можно ли говорить о том, что современные технологии в юридическом образовании ограничены лишь сферой информационно-коммуникационных технологий? Очевидно, что понятие «технология» не должно рассматриваться в настолько узком значении.

Слово «технология» (от греч. *τεχνική* — искусство, мастерство, умение и *λογία* — слово, наука, учение) Большая советская энциклопедия предлагает понимать как совокупность приемов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий, осуществляемых в различных отраслях промышленности, в строительстве и т. д., а также научную дисциплину, разрабатывающую и совершенствующую такие приемы и способы¹. В Словаре русского языка Ожегова технология определяется как совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства². То есть, исходя из словарного значения слова «технология», наиболее общем значении под термином «технология» принято понимать упорядоченную систему последовательных действий, стадий, процедур.

Н. А. Власенко, анализируя содержание понятия «юридическая технология» (как видового относительно технологии), заключает, что «юридическая технология отвечает на вопрос: как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции»³. Соответственно, отождествление современных технологий с информационными технологиями неоправданно сужает область рассмотрения вопроса.

Электронная научная библиотека E-library по поисковому запросу «современные технологии в юриспруденции» из 292 научных работ позволяет выделить следующие виды технологий:

- дистанционные образовательные технологии;
- информационные (компьютерные) технологии;
- политические технологии;
- интерактивные технологии;
- образовательные технологии (в значении педагогических технологий);
- юридические (правовые) технологии⁴.

При этом названные технологии могут выступать как в качестве формы осуществления образовательного процесса, так и в качестве его содержания.

Так, информационные технологии в юриспруденции как современный тренд выступают объектом научного исследования и, соответственно, содержанием юридического образования (по таким дисциплинам, как информационное право, административное право, гражданское право и пр.), например, в рамках изучения защиты персональных данных, оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде, цифровизации судебного процесса и т.д. На вспомогательных дисциплинах в рамках образовательного процесса изучаются применяемые в юриспруденции информационные технологии, такие как справочно-правовые системы, системы электронного документооборота, правовые порталы, средства компьютерной обработки и хранения информации и т.д.

С другой стороны, информационные технологии обобщенно воспринимаются как совокупность технических устройств и программных средств, используемая для представления и передачи информации в рамках учебного процесса. Бурное развитие информационных технологий позволяет разделить ИТ-технологии, применяемые в образовательном процессе на «традиционные», получившие распространение еще в начале 2000-х гг., и «современные», связанные с развитием онлайн-технологий и распространением мобильных гаджетов. К первой группе можно отнести презентационные средства, электронные образовательные системы, компьютерное

¹ Владимиров О. А., Пархоменко А. А. Большая советская энциклопедия // Словари, энциклопедии и справочники. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2048423.html> (дата обращения: 01.11.2020).

² Словарь русского языка С. И. Ожегова // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31747> (дата обращения: 01.11.2020).

³ Власенко Н. А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н. А. Власенко. М., 2010. С. 9.

⁴ Научная электронная библиотека Elibrary.ru. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 01.11.2020).

тестирование и пр. Во вторую группу можно включить такие средства, как Google Формы, Kahoot!, Plickers, Mentimeter, Moodle, Zoom и т.д. Переход образовательных учреждений на дистанционное обучение в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019 привел как к активизации применения второй группы IT-технологий в образовательном процессе, так и к росту числа научных публикаций на данную тему.

При этом к теме юридических технологий как содержания и формы юридического образования обращаются сравнительно редко. Усложнение общественных отношений, несомненно, влечет за собой появление новых юридических технологий, но успевает ли за ними юридическая наука? И образование, как ее концентрированное выражение? Так, структура публичного права, очевидно, претерпела за последние несколько десятилетий существенные изменения, появились новые массивы законодательства, многие из которых носят междисциплинарный характер. В частности, к ним можно отнести антикоррупционное законодательство, систему стратегического планирования, оказание государственных и муниципальных услуг, экспертные, аналитические и мониторинговые технологии, служебное право, дисциплинарное производство и т.д. В рамках данной статьи автор предлагает рассмотреть вопрос места мониторинговых технологий в юридическом образовании.

Мониторинговые технологии в юриспруденции могут быть рассмотрены в двух аспектах. Во-первых, как формы контрольной деятельности, предусмотренные отраслевым законодательством: экологический мониторинг⁵, государственный мониторинг земель⁶, налоговый мониторинг⁷ и др. Названные виды мониторинга изучаются в объеме, предусмотренном тематическим планом, в рамках соответствующих дисциплин. Во-вторых, специфический пласт мониторинговых технологий представляют собой институциональные формы мониторинга законодательства и правоприменительной практики, такие как мониторинг правоприменения⁸, мониторинг реализации документов стратегического планирования⁹, мониторинг в сфере профилактики правонарушений¹⁰ и т.д. Обобщенно, под мониторинговыми технологиями в этом значении следует понимать совокупность информационно-аналитических и формально-юридических процедур, выражающую процессуальный характер мониторинга законодательства и правоприменительной практики, последовательное выполнение которых определяет достижение цели совершенствования правовой системы Российской Федерации. Заметим, что названные технологии могут выступать в качестве и объекта познания, и образовательной технологии.

Идеи педагогики, объединяющей теорию и практику в юридическом образовании, распространены за рубежом уже давно. Так, в 2008 г. Дебра М. Шнейдер ввела в юридический научный оборот понятие интегративной педагогики, объединяющей теорию, практику и «целеполагание» (purpose), под которым автор подразумевала морально-этические обязательства юриста перед обществом как должностного лица¹¹. Компетентностный подход, предусмотренный сегодня федеральными

⁵ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁶ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 20.07.2020) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 (ред. от 25.07.2014) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

⁹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26. Ч. I. Ст. 3378.

¹⁰ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26. Ч. I. Ст. 3851.

¹¹ Debra M. Schneider. Blending Doctrine, Practice, and Purpose in Legal Education: The Case for an Integrated Pedagogy. Virginia : Virginia Commonwealth University Richmond, 2008. P. 4–9.

государственными стандартами высшего образования¹², во многом близок к реализации названной идеи.

Рассмотрим мониторинг в качестве образовательной технологии на примере мониторинга правоприменения. Целью данной образовательной технологии следует назвать приобретение студентами-юристами навыков сбора, обобщения, анализа и оценки информации о практике применения законодательства Российской Федерации. Задачи названной технологии следует разделить на две группы: информационно-учебные и прикладные. К информационно-учебным задачам следует отнести: информирование обучающихся о понятии, технологии и методике мониторинга правоприменения; уяснение обучающимися понятия «механизм реализации правовой нормы»; доведение до обучающихся основ техники составления аналитических докладов; постановка проблемного подхода к изучению отраслевых дисциплин.

В свою очередь, среди прикладных задач образовательной технологии следует назвать: формирование у обучающихся навыков поиска и отбора информации; развитие аналитических навыков обучающихся; формирование и развитие навыков презентации результатов исследовательской деятельности; отработка техники коммуникации; подготовка студентов к вхождению в профессию. С позиции работодателя преимуществами применения технологии мониторинга правоприменения являются профессионализация, то есть получение студентами знаний и навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности; повышение работоспособности, а именно приобретение студентами навыков обработки и анализа больших объемов информации; а также адаптация студентов к работе в коллективе, то есть приобретение навыка работы в команде с распределенным участком ответственности.

С позиции профессорско-преподавательского состава, мониторинговые технологии могут быть встроены в учебный процесс в любом объеме на усмотрение преподавателя. Универсальный характер данной образовательной технологии позволяет комбинировать набор мероприятий в зависимости от объема исследуемой темы, курса и формы обучения студентов, количества учебных часов и т.д. В частности, в качестве отдельных элементов технологии могут применяться мастер-классы, круглые столы с практикующими юристами, учебные конференции, дискуссии, практикумы, конкурсы ораторского искусства, тренинги и т.д. В развернутой форме встраивание технологии мониторинга правоприменения в учебный процесс может осуществлено в три этапа. На первом этапе происходит определение преподавателем раздела и (или) темы дисциплины для применения технологии мониторинга правоприменения. Второй этап включает в себя самостоятельную работу студентов, которая может быть организована как в рамках самостоятельной работы в аудитории, так и удаленно, с включением элементов экспресс-консультирования (как очного, так и он-лайн). На третьем этапе осуществляется презентация студентами результатов мониторинга и оценка результатов преподавателем, как в форме защиты группового (индивидуального) проекта, так и в письменном (реферативном) виде.

Подводя промежуточный итог: как интерактивные формы обучения (образовательные технологии) отдельные мониторинговые технологии постепенно вводятся в образовательный процесс наряду с такими популярными формами интерактива, как кейс-стади, дебаты, деловые игры, проектная работа (индивидуальная и в малых группах) и пр.

Рассмотрим вопрос о технологиях мониторинга законодательства и правоприменительной практики как элемента содержания образовательного процесса. Во-первых, отдельные технологии вводятся профильными вузами в качестве самостоятельных учебных дисциплин, особенно — на программах дополнительного

¹² См., например: приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 (ред. от 11.01.2018) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.12.2016.

профессионального образования, например — мониторинг правоприменения в РПА Минюста России, оценка регулирующего воздействия в НИУ РАНХиГС и т.д. Во-вторых, данные технологии должны становиться дидактическими элементами классических юридических дисциплин, таких как конституционное право, административное право, нормотворчество и пр. И этот процесс в юридическом образовании развивается небыстро.

Причин для медленной трансформации содержания отраслевых дисциплин много, как субъективного характера, так и объективного. Среди них рост требований к профессорско-преподавательскому составу, а соответственно — и загруженности педагогов методической и научной работой, а также выполнением административных задач; перманентное сокращение учебных часов; динамика изменения законодательства и т.д. При недостатке учебных часов на освоение «классических» тем конституционного или административного права, юридические инновации, даже уже утвердившиеся в юридической практике, зачастую остаются за пределами изучения.

Резюмируя, подчеркнем: потенциал мониторинговых технологий в образовательном процессе недооценен как с точки зрения образовательной технологии, так и с позиции содержания юридического образования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Владимиров О. А., Пархоменко А. А. Большая советская энциклопедия // Словари, энциклопедии и справочники. — URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2048423.html> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Власенко Н. А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н. А. Власенко. — М., 2010.
3. Debra M. Schneider. Blending Doctrine, Practice, and Purpose in Legal Education: The Case for an Integrated Pedagogy. — Virginia : Virginia Commonwealth University Richmond, 2008. — P. 4–9.

REFERENCES

1. Vladimirov OA, Parkhomenko AA. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet encyclopedia]. In: Dictionaries, encyclopedias and reference books. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2048423.html> (accessed: 01 November 2020) (In Russ.).
2. Vlasenko NA. Yuridicheskaya tekhnika kak kompleksnaya sistema znaniy [Legal technique as a complex system of knowledge]. In: Vlasenko NA, editor. Doctrinal Bases of Legal Technique. Moscow; 2010 (In Russ.).
3. Schneider DM. Blending Doctrine, Practice, and Purpose in Legal Education: The Case for an Integrated Pedagogy. Virginia: Virginia Commonwealth University Richmond; 2008.

ИСТОРИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Багдасарян Сусанна Джамиловна, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института, доктор исторических наук, доцент
127427, Россия, Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4
bsd73@mail.ru

© Багдасарян С. Д., 2020

Аннотация. Историческая эволюция институтов права и государства немислима без развития правовой культуры общества, личности. Исследование посвящено влиянию исторических процессов на формирование правовой культуры, которая рассматривается как составляющая часть правовой системы государства.

Ключевые слова: история; правовая культура; детерминант; государство; право.

HISTORY AS A DETERMINANT OF LEGAL CULTURE

Susanna D. Bagdasaryan, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Full Professor, Department of Theory of Law and State Law Disciplines, International Law Institute
ul. Kashenkin Lug, d. 4, Moscow, Russia, 127427
bsd73@mail.ru

Abstract. Historical evolution of the institutions of law and the state is inconceivable without development of legal culture of the society and personality. The research is devoted to the impact of historical processes on the formation of legal culture, which is considered as a part of the legal system of the state.

Keywords: history; legal culture; determinant; state; law.

Историческая реальность является основанием для существования и эволюции культуры общества, группы, индивида. В свою очередь, культура в основной научной трактовке состоит из материальной и духовной форм, которые формируются из многочисленных компонентов (мораль, религия, право, искусство, наука и др.), тесно взаимодействующих между собой и определяющих общественное состояние и ценностные ориентиры личности.

Правовую культуру обсуждают и в теоретическом и практическом дискурсе. Рассмотрим феномен правовой культуры¹, исходя из философско-правовых позиций и различных концепций². Можно определить правовую культуру общества как отражение состояния правовой системы, ее институтов и отраслей, которые позволяют

¹ Лелюх В. Ф., Чванова Л. В. Феномен правовой культуры личности: понятие, история и современность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 1. С. 261–267.

² Каландаришвили З. Н. Основные концепции изучения правовой культуры в юридической науке // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2008. № 56. С. 111–120.

реализовать индивиду не только свои права, но и сформировать отношение к праву. Общество и личность реализует свою правовую культуру на различных уровнях: обыденном, профессиональном, теоретическом.

Исходя из основной парадигмы, что исторические процессы развития институтов права и государства и становятся детерминантом правовой культуры индивида, группы, общества и определяют ее состояние рассмотрим основные концепции.

На протяжении последних двух столетий сложилось множество подходов и критериев в определении типов правовой культуры, предпосылок и характеристик ее развития в системе общественных отношений. В российской науке в советский период длительное время на первое место ставили классовый критерий, исходя из позиций формационной теории и марксистско-ленинских теоретических положений, при этом признавая право на существование этнического, религиозного (конфессионального) и иных научных взглядов на развитие правовой культуры общества.

Приведем многообразие современных подходов в определении типов правовой культуры в историческом разрезе.

Во-первых, исходя из историко-культурных критериев правовую культуру можно синхронизировать с цивилизационным (западная, восточная, традиционная) и культурологическим (античная, средневековая, модернизм, постмодернизм и т.д.) развитием общества.

Во-вторых, провести анализ по конфессиональному критерию: христианская, мусульманская, иудаистская, индуистская, буддистская, конфуцианская, синтоистская и др.

В-третьих, применить концепцию о развитии коммуникаций ученого Ю. М. Лотмана³, в которой основным критерием становится средства передачи информации (дописьменная, письменная, книжная, информационная) в обществе, с помощью которых и происходит оформление культурных ценностей. Данный подход о развитии информационной правовой культуры принимается и развивается в западной научной мысли⁴ и у российских ученых⁵.

В-четвертых, использовать построение культуры на основе ценностных критериев, выделенных П. А. Сорокиным⁶. Такая типизация будет включать в себя идеациональную (религиозную), идеалистическую и чувственную (светскую) правовые культуры. Последняя отражает современный этап развития общества.

В-пятых, применить подход выделения правовой культуры исходя из ее принадлежности к исторической правовой системе: американско-саксонская, романо-германская, скандинавская, мусульманская, индо-буддистская и т.д.

Следовательно, использование критериев для изучения эволюции правовой культуры зависит от принадлежности ученого, научной школы к определенному направлению. Правовая культура является той исторической категорией, которая определяет ступень развития цивилизации, государства и конечно общества.

В отечественной юриспруденции за последние годы сложилась практика рассматривать правовую культуру в следующих подходах:

— идеальный, представленный работами С. С. Алексеева⁷ и его последователей. Правовая культура индивида, общества рассматривается как достигнутый этими субъектами права уровень понимания права, знаний о своих правах. Необходимо констатировать, что идеальное развитие правовой культуры представляется

³ Лотман Ю. М. Феномен культуры. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. Т. 1. С. 34.

⁴ Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

⁵ Иванова М. А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2 (27). С. 149–152.

⁶ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

⁷ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000. 256 с.

в высоком правосознании и правомерном поведении общества и его граждан. Следовательно, история государства и общества будет отражать и культурную эволюцию права.

- деятельностный, раскрытый в исследованиях Е. А. Лукашевой⁸. Сущность этого подхода в рассмотрении правовой культуры как продолжения деятельности человека, общества. Правовая культура отражает в себе существующую социальную и правовую систему, следовательно правомерное поведение, уровень правосознания зависит от моделей поведения субъектов права.
- ценностный, проанализированный в исследованиях В. П. Сальникова⁹. В данном подходе правовая культура рассматривается накоплением историко-культурных ценностей общества в правовой системе, которые воплощаются в правомерное поведение индивидов, в их уровень правосознания.
- качественный, отражает в себе оценку правовой культуры в разрезе социально-политических, экономических и культурных достижений. Исследователь А. П. Семитько¹⁰ в своих исследованиях применяет метод комплексного изучения правовой культуры как явления, использует категории выявления черт, качеств и свойств элементов правовой культуры в историческом развитии российской государственности.

Во всех подходах, при определенных расхождениях в оценке ведущего фактора влияния на развитие и содержание правовой культуры¹¹ есть и общая позиция, что формирование правовой культуры — это процесс, отражающий историческую перспективу развития общества. Правовая культура воплощает в себе все элементы развития общества. Она вбирает этническую¹² и ментальную специфику ее носителя, конфессиональную принадлежность, уровень развития политических и государственных институтов¹³, состояния социально-экономической системы, доступности научных и образовательных учреждений¹⁴.

Только системное рассмотрение правовой культуры через призму исторического развития и позволяет определить ее ценностные ориентиры, достижения и вклад в развитие правосознания и правомерного поведения членов общества, которые и транслируют уровень развития институтов права и государства. Следовательно, изучение правовой культуры требует соблюдения в процессе преподавания теории и истории права и государства системного и комплексного подходов с учетом научных концепций и взглядов.

⁸ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М. : Норма, 2009. 383 с.

⁹ Сальников В. П. Правовая культура: Теоретически-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1990. 402 с.

¹⁰ Семитько А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Проблемы теории и методологии : дис. ... д-ра юрид. наук. 1996. Екатеринбург. 288 с. ; Он же. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. 312 с.

¹¹ Геворкян Т. В. История формирования и развития правовой культуры населения // Известия ОГАУ. 2014. № 3. С. 236–239.

¹² Арсентьева А. Г. Национально-правовая ментальность как детерминанта профессиональной правовой культуры // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / науч. ред. Н. С. Нижник. СПб., 2012. С. 234–237.

¹³ Сафронов А. А. Правовая культура личности в механизме устойчивого развития российского государства: теоретико-методологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 181 с.

¹⁴ Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. 2012. 398 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. — М. : Статут, 2000. — 256 с.
2. Арсентьева А. Г. Национально-правовая ментальность как детерминанта профессиональной правовой культуры // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / науч. ред. Н. С. Нижник. — СПб., 2012. — С. 234–237.
3. Геворкян Т. В. История формирования и развития правовой культуры населения // Известия ОГАУ. — 2014. — № 3. — С. 236–239.
4. Иванова М. А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 2 (27). — С. 149–152.
5. Каландаришвили З. Н. Основные концепции изучения правовой культуры в юридической науке // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. — 2008. — № 56. — С. 111–120.
6. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.
7. Лелюх В. Ф., Чванова Л. В. Феномен правовой культуры личности: понятие, история и современность // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 2 (58). — Т. 1. — С. 261–267.
8. Лотман Ю. М. Феномен культуры. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин, 1992. — Т. 1. — С. 34.
9. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. — М. : Норма, 2009. — 383 с.
10. Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. — 2012. — 398 с.
11. Сальников В. П. Правовая культура: теоретически-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук — Л., 1990. — 402 с.
12. Сафронов А. А. Правовая культура личности в механизме устойчивого развития российского государства: теоретико-методологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2005. — 181 с.
13. Семитько А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. — Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. — 312 с.
14. Семитько А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1996. — 288 с.
15. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya — nadezhda i drama sovremennoy epokhi [Law on the threshold of the new millennium: some trends in global legal development — the hope and drama of the modern era]. Moscow: Statut Publ., 2000 (In Russ.).
2. Arsenyeva AG. Natsionalno-pravovaya mentalnost kak determinanta professionalnoy pravovoy kultury [National legal mentality as a determinant of professional legal culture]. In: Nizhnik NS, editor. Actual problems of theory and history of state and law. *Proceedings of the Department of Theory of the State and Law of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Saint-Petersburg; 2012 (In Russ.).
3. Gevorkyan TV. Istoriya formirovaniya i razvitiya pravovoy kultury naseleniya [History of formation and development of legal culture of the population]. *Izvestia Orenburg State Agrarian University*. 2014;3:236-239 (In Russ.).

4. Ivanova MA. Pravovaya kultura v usloviyakh razvitiya setevogo obshchestva [Legal Culture in the Conditions of Development of the Network Society]. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019;2(27):149-152 (In Russ.).
5. Kalandarishvili Z. N. Osnovnye kontseptsii izucheniya pravovoy kultury v yuridicheskoy nauke [Basic concepts of legal culture study in legal science]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;56:111-120 (In Russ.).
6. Castells M. Vlast kommunikatsii: ucheb. posobie [Communication power: textbook]. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2016 (In Russ.).
7. Lelyukh VF, Chvanova LV. Phenomenon of legal culture of a personality: concept, history and the present. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014;2(1):261-267 (In Russ.).
8. Lotman YM. Fenomen kultury. Stati po semiotike i topologii kultury [Fenomen kultury. Articles on semiotics and topology of culture]. Vol. 1. Tallinn; 1992 (In Russ.).
9. Lukasheva EA. Chelovek, pravo, tsivilizatsii: normativno-tsennostnoe izmerenie [A Man, law, civilizations: normative-value dimension]. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Norma Publ., 2009 (In Russ.).
10. Petruchak LA. pravovaya kultura kak determinanta sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Legal culture as a determinant of modern Russian society]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.; 2012 (In Russ.).
11. Salnikov VP. Pravovaya kultura: teoreticheski-metodologicheskii aspekt. Dis... uch. step. d-ra. yurid. nauk [Legal culture: Theoretical and methodological aspect. Doctoral Dissertation]. Leningrad; 1990. (In Russ.)
12. Safronov AA. Pravovaya kultura lichnosti v mekhanizme ustoychivogo razvitiya rossiyskogo gosudarstva: teoretiko-metodologicheskii analiz. dis. kand. yurid. nauk [Legal culture of the individual in the mechanism of sustainable development of the Russian state: theoretical and methodological analysis: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Rostov-on-Don; 2005 (In Russ.).
13. Semitko AP. Razvitie pravovoy kultury kak pravovoy progress [Development of legal culture as a legal progress]. Yekaterinburg: UrSLA Publishing House; 1996 (In Russ.).
14. Semitko AP. Razvitie pravovoy kultury kak pravovoy progress: problemy teorii i metodologii. dis... uch. step. d-ra. yurid. nauk [Development of legal culture as legal progress: Problems of theory and methodology. Doctoral Dissertation]. Yekaterinburg; 1996 (In Russ.).
15. Sorokin PA. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [A Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ.; 1992 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.13.1.020-026

РАКУРС

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ХРАНИТЕЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ (XVIII–XX вв.)

Токарев Василий Алексеевич, научный сотрудник факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук
109028, Россия, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3
basiletok@gmail.com

© Токарев В. А., 2020

Аннотация. В статье представлена авторская интерпретация эволюции представлений о «хранителе конституционной идентичности» в зарубежной и отечественной юридической науке XVIII–XX вв. По мнению автора, сравнительный анализ генезиса и развития данного концепта позволяет расширить представления о природе репрезентативной демократии.

Ключевые слова: конституционная идентичность; нация; государство; учредительная власть; репрезентация; демократия.

EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE «GUARDIAN OF CONSTITUTIONAL IDENTITY» IN LEGAL SCIENCE (18th-20th CENTURIES)

Vasiliy A. Tokarev, Researcher, Cand. Sci. (Law), Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics»
per. Trekhsvyatitelskiy, d. 3, Moscow, Russia, 109028
basiletok@gmail.com

Abstract. The article presents the author's interpretation of the evolution of ideas about the «guardian of constitutional identity» in foreign and domestic legal science in 18th — 20th centuries. In author's opinion, comparative analysis of the genesis and development of this concept allows us to expand ideas about the nature of representative democracy.

Keywords: constitutional identity; nation; state; constituent power; representation; democracy.

Термин «конституционная идентичность», постепенно входящий в лексикон отечественного юриста, как теоретика, так и практика, давно известен зарубежной правовой науке. Согласно Г. Дж. Джекобсону, «конституционная идентичность, представляя собой сочетание стремлений и обязательств, выражающих национальное прошлое, развивается также благодаря текущей политической

и интерпретационной деятельности, осуществляемой в судах, законодательных органах и других публичных и частных сферах»¹. Впрочем, он признает, что этот концепт по-прежнему нуждается в адекватном осмыслении с позиций теории и истории государства и права. Данное утверждение особенно справедливо в отношении истории политико-правовых учений, на материале которой можно определить этапы развития представлений о конституционной идентичности и систематизировать их посредством применения сравнительно-исторического метода. Он позволяет акцентировать внимание на особенностях различных концепций хранителя конституционной идентичности и выделить их общие элементы.

Прежде всего, мы ограничиваем наше исследование периодом XVIII–XX вв. не только и не столько потому, что первые кодифицированные конституции появляются во второй половине XVIII в. Важнее, что тогда предпринимаются первые попытки юридического оформления национальной гомогенности. Так, авторы учредительных актов Великой французской революции, формально оставаясь приверженцами абстрактных идей универсальной свободы, равенства и братства, на деле исходили из факта «существования французской нации как исторически данной величины»². Поэтому в политико-правовых учениях того времени образ конституции тесно переплетается с образом нации, в качестве одного из структурных элементов которого выступают т.н. основные законы. По сути, речь идет о принципах, уходящих своими корнями глубоко в историю и выполняющих сразу несколько функций. Они обеспечивали преемственность и легитимность высшей власти, при этом удерживая ее в определенных рамках и гарантируя относительную автономию различных политических акторов. Подчеркнем, что представления об основных законах сформировались задолго до революционных событий второй половины XVIII в.³, но именно тогда эти представления находят свое выражение в конституционных проектах.

Более того, понятие основных законов было расплывчатым и слишком общим, что подтверждает практика судебных учреждений дореволюционной Франции⁴. Напротив, в текстах Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и конституций охватываемые этим понятием принципы ясно формулируются и четко разграничиваются. Одни из них относятся непосредственно к форме государства, тогда как другие связаны с правовым статусом личности. Однако объединяющим их фактором остается концепт единой нации, принимающий юридическую форму конституционной идентичности. Его содержание также распадается на две составляющие: общее благо и свобода частных лиц, причем относительно возможности их простого примирения на правовой основе у отцов-основателей французских конституций не возникает никаких иллюзий. Например, Э.-Ж. Сийес, постоянно обращается в памфлете «Что такое третье сословие?» к понятию нации, ключевому в его концепции общего блага, не акцентируя внимания на проблеме возможного нарушения конституции,

¹ Jacobsohn Gary J. The formation of constitutional identities // Comparative Constitutional Law. Edited by Tom Ginsburg and Rosalind Dixon. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2011. P. 129.

² Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 78.

³ Достаточно вспомнить, как Ш. Л. Монтескье определяет природу монархического правления в книге II «Духа законов», указывая на необходимость существования в монархии учреждения, охраняющего основные законы. Впрочем, почти за тридцать лет до выхода в свет его трактата, 1 марта 1721 г., Парижский парламент впервые использовал выражение «Конституция государства», подразумевая под ней основополагающие принципы, которые не вправе нарушить даже абсолютный монарх. См.: Vergne A. La première référence à la «Constitution de l'État» dans les remontrances du Parlement de Paris (1er mars 1721) // Le monde parlementaire au XVIIIe siècle. L'invention d'un discours politique (dir. A. Lemaître). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 137–153.

⁴ Pichot-Bravard P. Conserver l'ordre constitutionnel (XVIe-XIXe siècle). Les discours, les organes et les procédés juridiques. Paris: LGDJ, 2011. 534 p.

как и на еще более сложной проблеме конфликта внутри нации. Но по мере развития революционных событий он осознает реальную опасность такого конфликта и, соответственно, разрыва между юридической и социальной конституциями. В его речах все больше места занимает вопрос о наиболее эффективной модели учреждения, способного охранять конституцию и обеспечивать национальную гомогенность⁵. Таким образом, отправной точкой в формировании концепций конституционной идентичности и ее хранителя конца XVIII — начала XIX вв. становится идея возможного конфликта между учрежденной и учредительной властями, а также внутри самой учредительной власти.

Однако если изначально представления о конституционной идентичности связываются в юридической науке с идеей нации и в таком виде находят свое выражение в законодательстве государств, следующих французской традиции права⁶, то уже в XIX в. возникает альтернативный подход. Назовем его условно «немецким», принимая во внимание влияние, которое оказали на его развитие немецкая философия права и эволюция немецкого публичного права, а также влияние, которое этот подход, в свою очередь, оказал на юридическую науку и практику государств, заимствовавших многие институты из немецкого права. К числу таких государств можно отнести Россию второй половины XIX — первой половины XX в.

Исследуя особенности юридической природы государства, немецкие юристы в своих концепциях конституционной идентичности смещают акцент в его сторону. Как отмечает Г. Еллинек, «всякий постоянный союз нуждается в порядке, согласно которому создается и исполняется его воля, ограничивается его компетенция, урегулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему»⁷. По мнению ученого, такой порядок и есть конституция. Следовательно, исторической и логической предпосылкой ее принятия является не гомогенность нации, о которой рассуждали французские революционеры, а факт существования конкретного государства как постоянного союза людей. При этом Г. Еллинек полагает, что для достижения необходимого минимума государственного устройства достаточно «фактической власти», объединяющей государство. Однако, поскольку современные общества находятся на высоком уровне культурного развития, они нуждаются в порядке, санкционированном правом⁸. Соответственно, критериями сравнения в науке государственного права могут служить наличие и содержание основных законов, позволяющих идентифицировать исторически сложившийся на определенной территории союз людей как государство с более или менее развитой правовой системой.

Заметим, что немецкий подход к определению понятия конституционной идентичности оказался российским правоведам ближе, чем французский. Так, Б. Н. Чичерин указывает на две функции закона в качестве «связующего начала государственного союза»: юридическую и нравственную. Причем обе функции осуществляются одновременно таким образом, что законодатель устанавливает правомерное преобладание общего интереса над частным и вместе с тем гарантирует индивидуальную свободу. Поэтому, по мнению Б. Н. Чичерина, в законе находит выражение «нравственная сторона государственного союза». Последний «настолько носит в себе сознание нравственных начал, насколько... управляется законом, и настолько уклоняется от нравственных требований, насколько в нем предоставляется простора

⁵ Sommerer E. *Sieyès. Le révolutionnaire et le conservateur*. Paris: Michalon Éditions, 2011. P. 85–100. В своей работе «Гарант конституции» К. Шмитт точно определяет место концепции «хранителя конституции» аббата Сийеса в истории политико-правовых учений, проводя исторические линии как в сторону монархов и мыслителей эпохи Английской революции, так и по направлению к европейским конституционалистам XIX в. См.: Шмитт К. *Государство: Право и политика*. М.: Территория будущего, 2013. С. 30, 39–40.

⁶ *Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État*. Paris: PUF, 2001. P. 283–314.

⁷ Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. С. 486.

⁸ Еллинек Г. *Указ. соч.* С. 486.

произволу»⁹. Как и в концепции Г. Еллинека, здесь вопрос о конституционной идентичности ставится и решается с точки зрения возможности отклонения конкретного государства от правовых и моральных норм, которые составляют важную часть его политико-правовой природы. Другую ее часть — и на это указывают русские правоведы конца XIX-начала XX в. (С. А. Котляревский, Л. И. Петражицкий и др.) — образуют элементы, выходящие за рамки предмета юридической науки в его формальном понимании¹⁰. Тем не менее они тоже должны приниматься во внимание, когда речь идет о конституционной идентичности. Например, как утверждает С. А. Котляревский, осуществление идеала правового государства может оказаться более сложным, чем представлялось, поскольку возникает конфликт между ним и объективной потребностью — «инстинктом политического самосохранения»¹¹. В результате такого конфликта происходит разрыв правовой традиции, утрата конституционной идентичности и «зависание» общества на переходной стадии от абсолютизма к правовому государству. Тогда подлинной катастрофой для общества оказывается не его раскол, а распад государства.

Таким образом, в юридической науке XVIII–XIX вв. конституционная идентичность понимается как правовое выражение или гомогенности нации, или нормативного самоограничения государства. В конечном счете оба этих подхода не выходят за рамки философии права эпохи модерна, ориентируясь на интересы субъекта, обладающего учредительной властью, — нации (народа) или государства. С этой точки зрения, конституционная идентичность означает тождественность политики, проводимой учрежденными органами власти, тем целям, которые декларировались учредительной властью. Она, в свою очередь, учитывала исторический опыт, опасаясь его повторения и перенесения прежних проблем в новый контекст государственного и общественного устройства.

Однако если объектом исследования становится не только и не столько субъект учредительной власти или обладатель суверенитета, сколько сам текст основного закона, тогда конституционную идентичность следует рассматривать сквозь призму содержания этого текста. Так, во второй половине прошлого века намечается третий подход к определению конституционной идентичности, связанный с именами М. Перри, Х. Питкин, Дж. Раза, М. Тушнета и др.¹². В рамках данного подхода история текста конституции становится отправной точкой для размышлений общества о своем прошлом, настоящем и будущем. Изучая свою конституционную историю, оно обретает (или восстанавливает) правовую идентичность и узнает что-то новое о себе. Разумеется, при таком подходе гомогенность нации и нормативное самоограничение государства, как во французских и немецких концепциях XVIII–XIX вв., признаются важными факторами, которые влияют на целостность и сохранность конституционной идентичности. Между тем ключевую роль здесь играет толкование

⁹ Чичерин Б. Н. Философия права. СПб. : Наука, 1998. С. 237.

¹⁰ Примечательно, что в работе современного правоведа, посвященной анализу поведенческой, эмоциональной и иных сторон права в контексте проблематики конституционной традиции, данная традиция применительно к российской среде называется «государственно-правовой». Как пишет автор: «Понимание права неотделимо от всего, что делает его действительным и действующим, как и от того, что ему противопоставлено. Такой взгляд позволяет исследовать государственное право как традицию». См.: Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 27. Добавим, что этот взгляд позволяет также обнаружить «точки разрыва» внутри конституционной идентичности, обусловленные конфликтом моральных, религиозных и т.п. норм, которые исторически сформировались в конкретном политическом союзе, с действующими в нем правовыми нормами.

¹¹ Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб. : Лань, 2001. С. 305.

¹² Jacobsohn Gary J. Op. cit. P. 131–132. На примере решений верховных судов автор показывает, какое практическое значение имеет этот подход во второй половине XX в. — начале XXI в.

принципов, положенных в свое время в основание общества и государства. Строго говоря, данный подход (условно назовем его «англо-американским») возникает даже раньше «французского», но развивается преимущественно как практический, а не концептуальный, и обособленно от юридической науки континентальной Европы. Приведем в качестве примеров знаменитое решение по делу доктора Томаса Бонхэма (1610), в котором судья Э. Кок ссылается на «высший закон» королевства; размышления А. Гамильтона о судебном толковании законов в рамках репрезентативной демократии (1788)¹³; наконец, решение Верховного суда США по делу «Мэрбэри против Мэдисона» (1803).

Что общего у всех трех подходов? На наш взгляд, их объединяет поиск ответа на принципиально важный вопрос о том, кто должен стать хранителем конституционной идентичности. Действительно, практически одновременно с учениями о конституционной идентичности возникают и развиваются учения о ее хранителе. Тот же аббат Сийес уже в сентябре 1789 г., рассуждая о праве вето короля, поднимает проблему конфликта между органами государства, в котором провозглашены принципы репрезентативной демократии. Оценивая его вероятность как высокую, он заявляет о необходимости выхода за пределы учреждаемой системы политических институтов с целью обнаружения в социальной конституции какого-либо средства смягчения последствий такого конфликта¹⁴. Примечательно, что о потенциальном хранителе конституционной идентичности аббат Сийес рассуждает в связи с опасностями репрезентативной демократии, обусловленными самой ее природой. В таком же духе размышляет и один из отцов-основателей американской конституции Дж. Мэдисон, причем за полтора десятилетия до первого опыта осуществления конституционного контроля. По его мнению, «простое проведение на бумаге конституционных границ между законодательной, исполнительной и судебной властью не создает достаточной защиты от тех вторжений, которые ведут к присущему тирании сосредоточению всей полноты власти в одних и тех же руках»¹⁵. Следуя этой логике, ни французская модель разделения властей, ни американская система «сдержек и противовесов» сами по себе не защищают общество от тирании и утраты идентичности. Эффективное средство защиты от тирании и внутреннего конституционного конфликта имеет особую природу и находится вне системы учрежденных политических институтов, о чем недвусмысленно заявляет аббат Сийес, но в то же время оно тесно связано с этой системой — как взаимосвязаны общественное устройство и конституция.

Последнее замечание требует пояснения. Отцы-основатели французской и американской конституций, хорошо изучившие опыт защиты французским парламентом основных законов, видели все его недостатки. С одной стороны, некоторые положения, например, о праве нации свободно вотировать налоги на собраниях регулярно созываемых Генеральных штатов, формально связывали монарха. С другой стороны, как замечает В. М. Гессен, парламентская теория «законной монархии» остается политической доктриной, а не догматической¹⁶, даже если сами французские парламентарии и их сторонники, разрабатывавшие догматику публичного права, полагали иначе. Так, автор «Tableau des différents âges de la monarchie française» утверждает, что «основополагающими законами государства называются те, которые заключают в себе конституцию и посредством которых нация устанавливает форму своего правительства, соглашение между народом и тем, кому он передает суверенитет...»¹⁷.

¹³ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Весь мир, 2000. С. 502–510.

¹⁴ Sommerer E. Op. cit. P. 86.

¹⁵ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. С. 335–336.

¹⁶ Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1918. С. 6.

¹⁷ Цит. по: Гожоссо Э. Проект учреждения конституционного контроля российской императрицей Екатериной II и отклики на него во Франции (1766–1774) // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 56.

На этом основании он поддерживает сохранение за парламентом прав регистрации актов короля и обращения к нему от имени нации, т.е. прав хранителя основных законов королевства.

Но в революционную эпоху социальный состав французских парламентов не позволял рассматривать их как потенциальных хранителей конституционной идентичности. Поэтому на эту роль предлагались органы власти, не имевшие ярко выраженной юрисдикционной природы, например, Охранительный сенат. Парадокс заключается в том, что периодически отстаивая перед королем свои права, освященные традицией, дореволюционный парламент заложил основы независимой судебной власти, впоследствии ставшей одним из неотъемлемых элементов правового государства. Как отмечает В. М. Гессен, «судебная власть, отчасти благодаря исторической своеобразности судебной организации..., отчасти благодаря вполне сознательной политике власти, успела — по крайней мере, до некоторой степени — дифференцироваться, отделиться от верховной власти»¹⁸. Такое ее положение соответствовало представлениям американских мыслителей о хранителе конституционной идентичности, которым со временем стал Верховный суд. Напротив, на европейском континенте вплоть до 1920-х гг. продолжались поиски оптимального хранителя конституционной идентичности — впрочем, они и тогда не закончились, о чем свидетельствует полемика К. Шмитта с Г. Кельзенем. Выдвигая новые аргументы, они переосмысливали интеллектуальное наследие сторонников и противников признания хранителем конституционной идентичности юрисдикционного органа¹⁹.

Подводя итог, отметим, что последовательно сменявшие друг друга на протяжении XVIII–XX вв. подходы к определению понятия конституционной идентичности («французский», «немецкий» и «англо-американский») находили отражение в действующем законодательстве и судебной практике. Все они так или иначе затрагивали проблематику репрезентативной демократии, которой присуща возможность конфликта политических институтов, приводящего к разрыву правовой традиции и распаду правопорядка. Кроме того, как показал опыт разработки и принятия первых конституций, конфликт возможен и внутри общества между большинством и меньшинством, т.е. внутри учредительной власти. Также как и исторически сложившийся на определенной территории политический союз людей в силу своей двойственной природы может вступить в стадию внутреннего конфликта при переходе от абсолютизма к правовому государству. Поэтому центральным элементом концепций конституционной идентичности XVIII–XX вв., разрабатываемых зарубежными и отечественными правоведами, является фигура хранителя ценностей, признаваемых обществом основополагающими в момент осуществления учредительной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 658 с.
2. Гессен В. М. Основы конституционного права. — Пг. : Издание Юридического книжного склада «Право», 1918. — 438 с.
3. Гожоссо Э. Проект учреждения конституционного контроля российской императрицей Екатериной II и отклики на него во Франции (1766–1774) // Вестник Гуманитарного университета. — 2019. — № 1. — С. 48–62.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 752 с.
5. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. — СПб. : Лань, 2001. — 368 с.
6. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. — М. : Весь мир, 2000. — 592 с.

¹⁸ Гессен В. М. Указ соч. С. 14.

¹⁹ Шмитт К. Государство: Право и политика. С. 30–112, 359–410.

7. Чичерин Б. Н. Философия права. — СПб. : Наука, 1998. — 656 с.
8. Шмитт К. Государство и политическая форма. — М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 272 с.
9. Шмитт К. Государство: Право и политика. — М. : Территория будущего, 2013. — 448 с.
10. Jacobsohn Gary J. The formation of constitutional identities // Comparative Constitutional Law. Edited by Tom Ginsburg and Rosalind Dixon. — Cheltenham, Northampton : Edward Elgar, 2011. — P. 129–142.
11. Pichot-Bravard P. Conserver l'ordre constitutionnel (XVIe-XIXe siècle). Les discours, les organes et les procédés juridiques. — Paris : LGDJ, 2011. — 534 p.
12. Sommerer E. Sieyès. Le révolutionnaire et le conservateur. — Paris : Michalon Éditions, 2011. — 128 p.
13. Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État. — Paris : PUF, 2001. — 336 p.
14. Vergne A. La première référence à la «Constitution de l'État» dans les remontrances du Parlement de Paris (1er mars 1721) // Le monde parlementaire au XVIIIe siècle. L'invention d'un discours politique (dir. A. Lemaître). — Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2010. — P. 137–153.

REFERENCES

1. Aranovskiy KV. Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede [Constitutional tradition in the Russian environment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press Publ.; 2003 (In Russ.).
2. Gessen VM. Fundamentals of Constitutional Law. Petrograd: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo»; 1918 (In Russ.).
3. Gojosso E. The Establishment of a Judiciary with the Power of Constitutional Review According to Catherine II of Russia and its Repercussions in France (1766–1774). *The Review of the Liberal Arts University*. 2019;1:48–62 (In Russ.).
4. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve [General doctrine of the State]. St. Petersburg: Izd-vo «Juridical center Press» Publ.; 2004 (In Russ.).
5. Kotlyarevsky SA. Vlast i pravo. problema pravovogo gosudarstva [Power and Law. The Problem of the rule of law]. St. Petersburg: Lan' Publ.; 2001 (In Russ.).
6. Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay. Moscow: Ves mir Publ.; 2000 (In Russ.).
7. Chicherin BN. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. St. Petersburg: Nauka; 1998 (In Russ.).
8. Schmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma [The State and political form. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2010 (In Russ.).
9. Schmitt K. Gosudarstvo: pravo i politika [The State: Law and politics]. Moscow: Territoriya budushchego Publishing House; 2013 (in Russ.).
10. Jacobsohn GJ. The formation of constitutional identities. In: Ginsburg T, Dixon Rosalind, editors. Comparative Constitutional Law. Cheltenham: Northampton: Edward Elgar; 2011
11. Pichot-Bravard P. Conserver l'ordre constitutionnel (XVIe-XIXe siècle). Les discours, les organes et les procédés juridiques. Paris: LGDJ, 2011. 534 p.
12. Sommerer E. Sieyès. Le révolutionnaire et le conservateur. Paris: Michalon Éditions; 2011.
13. Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État. Paris: PUF; 2001 (In Fr.)
14. Vergne A. La première référence à la «Constitution de l'État» dans les remontrances du Parlement de Paris (1er mars 1721). Le monde parlementaire au XVIIIe siècle. L'invention d'un discours politique (dir. A. Lemaître). Rennes: Presses universitaires de Rennes; 2010.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Серебренникова Анна Валерьевна, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент
119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4-й уч. корп.
serebranna@hotmail.com

© Серебренникова А. В., 2020

Аннотация. В данной статье автором исследуется вопрос использования средств уголовно-правовой защиты института собственности до и после принятия Уголовного кодекса РФ, а также акцентируется внимание на логичности и последовательности развития уголовного законодательства в данном вопросе с учетом необходимости внедрения новых принципов и представлений о таком регулировании.

Ключевые слова: собственность; Уголовный кодекс; юридическая ответственность; преступление; уголовное законодательство; ущерб.

CRIMES AGAINST PROPERTY: EVOLUTION AND REVOLUTION

Anna V. Serebrennikova, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, d. 1, str. 13, 4-i uch. korp., Moscow, Russia, 119991
serebranna@hotmail.com

Abstract. The article is devoted to the investigation of the issue of criminal law remedies in the context of property law before and after the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. The author focuses her attention on the reasonableness and consistency of the development of criminal legislation in this matter with due regard to the need to introduce new principles and ideas about such regulation.

Keywords: property; Criminal Code; legal liability; crime; criminal law; damage.

Собственность как объект защиты гражданских прав представляет собой достаточно сложное явление, и в силу выбранного в 1993 г. нового пути правового развития, рассматривается сегодня как важнейшее социально-экономическое направление, последовательно требующее не просто эффективной, но и разносторонней защиты.

Конституция РФ, которая, в вопросах реализации своего права на приобретение и возможностью обладать различными вещами в безограничительных размерах, возвела частные интересы наших граждан на один уровень с государственными интересами, а также, установив тождественность между интересами развития институтов собственности вне зависимости от его вида, а также исключения приоритета

между ними в вопросах защиты (ч. 2 ст. 8), установила правила игры, ставившие перед законодателем, и, тем более правоприменителями, новую задачу — создать эффективную систему защиты указанных прав, при этом не попирая права иных лиц и организаций, преследующих аналогичные амбиции.

Вполне естественно, как утверждает А. Г. Безверхов, что при выборе средств-регуляторов в вопросе обеспечения эффективности и контроля защиты прав собственности, уголовное законодательство было определено как одно из самых эффективных, чье последовательное изменение впоследствии, поскольку УК РСФСР 1960¹, данные задачи решать уже не мог, было признано ключевым, с точки зрения необходимости развития последующего регулирования, а также эволюционным, с учетом признания смены основного курса правового развития всего государства².

Нужно заметить, что основной причиной грядущих изменений стало прежде всего то, что уголовное законодательство советского формата, в большей степени, было сориентировано на защиты именно государственного интереса. С учетом сложившегося политического курса в УК РСФСР идея эффективности такой защиты не преподносилась как социально обусловленная с точки зрения учета частного интереса, так как развитие институтов частного владения не было таким разносторонним, как сейчас, а государственная собственность признавалась основным двигателем социальной благоустроенности и гарантом общего развития.

Доказательством реализации такого подхода может служить то, что некоторые виды хищений, предусмотренные в УК РСФСР, при условии, что такое деяние было совершено в отношении вещи или имущества, принадлежащего частному лицу, включались в отдельную главу (глава «Преступления против собственности»), ответственность по которой, в силу совершения аналогичного деяния в отношении имущества в тех же размерах, но, принадлежащего государству (глава «Преступления против социалистической собственности»), была значительно ниже.

УК РФ в 1996 г.³ данная дифференциация была устранена. Несмотря на то что сегодня в законодательной среде ведутся активные обсуждения о выведении государственной собственности, в силу высокой коррумпированности, в ранг особых видов собственности, при реализации права на его защиту, тенденция регулирования в данном вопросе, по-прежнему, остается неизменной.

Поистине важным следует признать, что УК РФ исключил из числа наказаний за совершение преступлений против собственности, такое наказание, как смертная казнь. И если ранее, за хищения, совершенные в особо крупных размерах по ст. 93 УК РСФСР¹ такое наказание наряду с другими особо тяжкими преступлениями рассматривалось как соответствующее их степени общественной опасности, то российским законодателем данная мера была исключена практически сразу же на стадии проектирования нового уголовного закона. Последствия использования данной меры в отношении расхитителей показали, что уголовное преследование в отношении лиц, привлекаемых по преступлениям, связанных с хищениями государственной собственности, нередко, сопровождалось подложными представлениями о взаимосвязи причиненного вреда и общественной опасностью. Поэтому, на фоне нового конституционно-революционного развития и последующего внедрения более гуманных начал при определении мер уголовно-правового характера, применение столь жестокого наказания было признано неприемлемым, даже, если при этом причиненный ущерб относится к разряду невосполнимых и по своему объему является существенным для реализации государственного (общего) интереса.

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² Безверхов А. Г. Хищение чужого имущества как правовая категория: современное состояние и тенденции развития. Юридический вестник Самарского государственного университета. 2015. Т. 1. № 3. С. 94–105.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Вместе с тем многие институты наказания, непосредственно связанные с совершением деяний против собственности, не просто переключались из одного закона в другой, а получили новые очертания. Так, мнения исследователей относительно необходимости использования института конфискации в отечественном праве уже долгое время не могут сложиться в верное представление о том, какая все-таки роль должна быть отведена такой мере, и в каком порядке данная мера может применяться. В частности, В. Е. Степенко отмечает, что одной из основных причин нелогичности и, как часто указывают практикующие юристы, — чрезмерности применения рассматриваемой меры при определении наказаний, — является недостаточная изученность и проработанность института конфискации в отечественной доктрине. К примеру, современный законодатель, намечая алгоритмы его применения в уголовном праве, как будто-то специально, заведомо «смешивает» границы его использования с иными видами санкций, не относя при этом указанную меру в одному из видов наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ, но, последовательно оставляя возможность его использования в любой удобной ситуации для суда или иного представителя правоохранительных органов, когда предметом правонарушения выступает имущественный интерес⁴. И опять же, в науке такой подход справедливо олицетворяют с советским представлением об отторжении имущества граждан, когда в основу изъятия, предусмотренного ст. 21 УК РСФСР, по сути, ложился не публичный интерес восстановления социальной справедливости, соразмерность которого должна формироваться на праве вернуть незаконно полученное по преступлению, а возможность забрать любое имущество преступника, включая и накопленное задолго до совершения самого преступления.

Следует отметить, что с приходом нового, более гуманного и либерального, представления о развитии уголовного наказания и последствиях его использования в нашей стране, конфискация, как вид уголовного наказания, был исключена законодателем еще в 2003 г., как заведомо несправедливое. Однако впоследствии по причине расширения использования институтов собственности, конфискация была возвращена в действующее уголовное законодательство в качестве меры уголовно-правового характера (гл. 15.1 УК РФ), что, с одной стороны, получило негласное одобрение со стороны общества, с другой критическую оценку со стороны ученых, которые указывали на непоследовательность в определении необходимости ее реанимации, а также непродуманности вопросов ее применения в спорных ситуациях⁵.

Тенденции изменений уголовного законодательства в регулировании вопросов, связанных с защитой прав собственности, стали последовательными с точки зрения изменения социально-правового курса нашей страны, в которой общественные отношения в области охраны частной собственности, получили новый вектор развития, и вполне логичными и обоснованными с позиции эффективности использования тех средств, которыми сфера уголовного права в настоящее время располагает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безверхов А. Г. Хищение чужого имущества как правовая категория: современное состояние и тенденции развития. Юридический вестник Самарского государственного университета. 2015. Т. 1. — № 3. — С. 94–105.
2. Забралова В. Ю. Основные тенденции развития института конфискации в уголовном законе. Пробелы в российском законодательстве. — 2019. — № 1. — С. 155–158.

⁴ Степенко В. Е. Развитие института конфискации имущества в отечественном уголовном праве // Современные проблемы уголовного права и процесса : сборник научных трудов 57-й студенческой научно-практической конференции / под ред. В. Е. Степенко. 2017. С. 137–146.

⁵ Забралова В. Ю. Основные тенденции развития института конфискации в уголовном законе // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1. С. 155–158.

3. Степенко В. Е. Развитие института конфискации имущества в отечественном уголовном праве // Современные проблемы уголовного права и процесса : сборник научных трудов 57 студенческой научно-практической конференции / под ред. В. Е. Степенко. — 2017. — С. 137–146.

REFERENCES

1. Bezverkhov FG. «Theft of Someone Else's Property» as a Legal Category: Modern State and Trends in the Development. *Juridical Journal of Samara University*. 2015;1(3):94-105. Doi: 10.18287/2542-047X-2015-1-3-94-105 (In Russ.).
2. Zabralova VYu. Osnovnye tendentsii razvitiia instituta konfiskatsii v ugodnom zakone [Main trends in the development of the institution of confiscation in the criminal law]. *Gaps in Russian Legislation*. 2009;1:155-158 (In Russ.).
3. Stepenko VE. Razvitie instituta konfiskatsii imushchestva v otechestvennom ugodnom prave [Development of the institution of confiscation of property in domestic criminal law]. In: Stepenko VE, editor. Modern Problems of Criminal Law and Procedure. Collection of scientific works of the 57th Students' Scientific-Practical Conference; 2017 (In Russ.).

ПРАВО ГРАЖДАН НА ИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН И ФАМИЛИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е гг.

Красильникова Елена Валерьевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
160001, Россия, Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 18
skrivelse-kev@yandex.ru

© Красильникова Е. В., 2020

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования института перемены имен и фамилий советскими гражданами в первые десятилетия советской власти. Автор последовательно описывает процедуру перемены имени на примере архивных материалов.

Ключевые слова: имя гражданина; личные права; перемена имени и фамилии; архивные данные; история.

THE RIGHT OF CITIZENS TO CHANGE FIRST AND LAST NAMES IN SOVIET RUSSIA IN 1920S

Elena V. Krasilnikova, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, North-Western Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. M. Ulyanovoi, d. 18, Vologda, Russia, 160001
skrivelse-kev@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the procedure of changing first and last names by Soviet citizens in the first decades of the Soviet power. The author consistently describes the procedure for changing the name on the example of archival materials.

Keywords: citizen's name; personal rights; first and last names' change; archival data; history.

Право на имя выступает одним из важнейших личных неимущественных прав человека и гражданина. Будучи персональным идентификатором, личное имя несет в себе информацию о многом: о происхождении и семейной принадлежности человека, его возможностях, предоставленных законом в связи с регистрацией за ним конкретного имени.

Современное российское законодательство не предусматривает права на имя в качестве самостоятельного конституционного права. Статья 23 Конституции РФ упоминает лишь о возможности защиты доброго имени. Действующий СК РФ в ст. 58 закрепляет только за ребенком право на имя, отчество и фамилию в качестве его личного права, которому корреспондирует обязанность родителей (или лиц, их заменяющих) присвоить их ребенку и зарегистрировать в установленном порядке.

Кроме того, в ч. 1 ст. 55 Конституции РФ отмечается, что «перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Стало быть, право каждого (а не только ребенка) на имя — есть одно из основополагающих прав человека и гражданина.

Сегодня уже никого не удивит перемена имени, отчества или фамилии. Несмотря на то что для этого необходимы веские основания, все же семейное законодательство предусматривает довольно несложную процедуру перемены имени гражданами РФ. Достаточно ознакомиться с ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹, подготовить упомянутые в нем документы, подать соответствующее заявление и дождавшись его рассмотрения, получить заветное свидетельство. При этом никаких разрешений на изменение имени от сторонних органов и лиц (если речь не идет о несовершеннолетних детях) получать не требуется.

Однако такая процедура укоренилась в российском праве относительно недавно. В первые годы советской власти механизм смены имен и фамилий гражданами страны был значительно сложнее.

Одним из итогов революционных событий 1917 г. явилось коренное обновление законодательства, затрагивающего права и свободы трудящихся. Несмотря на это, ни Конституция РСФСР 1918 г., ни Конституция СССР 1924 г., а вместе с ней и Конституция РСФСР 1925 г., не наделяли граждан правом на имя. Декрет СНК РСФСР от 04.03.1918 «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвания»² впервые в отечественной истории предоставил каждому гражданину РСФСР, достигшему 18 лет, право свободно изменять фамильное или родовое прозвище по собственному желанию, поскольку этим не затрагиваются права третьих лиц, обеспеченные специальными узаконениями (п. 1). Развитие нормы данного Декрета получили уже в отраслевом законодательстве, которое всегда очень подробно регламентировало механизм реализации интересующего нас права: ведомственные акты Наркомата Внутренних Дел всегда уделяли серьезное внимание регламентированию процедуры такой перемены.

Отметим, что анализу трансформации семейного законодательства и его отдельных институтов сегодня посвящено немало добротных исследований³. Вместе с тем практически не озвученным остался вопрос о механизме перемены имен и фамилий советскими гражданами в первые постреволюционные десятилетия.

Основным источником, позволяющим получить представление о процедуре перемены имен и фамилий совершеннолетними гражданами в этот исторический период, являются документы, входящие в Фонд 1070 «Вологодский губернский отдел ЗАГС» Государственного архива Вологодской области (далее — ГАВО). На основе материалов дела № 12 «Заявления о перемене фамилий» (за ноябрь 1928—октябрь 1929 гг.) попробуем описать алгоритм реализации права на перемену имени гражданами РСФСР. В указанный хронологический период процедура перемены имен и фамилий советскими гражданами регламентировалась Инструкцией НКВД № 180 от 26.05.1928⁴

¹ Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

² Декрет СНК РСФСР «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвания» от 04.03.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 37. Ст. 488.

³ Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX — начала XX в. Барнаул : Азбука, 2019. 148 с. ; Рудык О. И. Эволюция института брака в советском семейном праве: 1917–1996 : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 167 с. ; Кириченко К. А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник НГУ. Серия : Право. 2007. Т. 3. Вып. 2. С. 18–27.

⁴ Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. 1928. № 19 (данное издание, как и многие его аналоги, находится на хранении в фондах Государственного архива РФ и широкому кругу исследователей, к сожалению, не доступно).

Шаг 1. Получение заявителем справки местного финансового органа (в нашем случае — финансового отдела Вологодского губернского исполкома) об отсутствии за ним недоимок по налогам и сборам за последние пять лет⁵. Справка облагалась гербовым сбором в размере 2 руб.

Шаг 2. Подача заинтересованным совершеннолетним лицом в Бюро ЗАГС по месту своего постоянного жительства заявления в письменной форме с просьбой о перемене имени или (и) фамилии. Заявление должно было содержать сведения о следующем:

- фамилии, имени и отчестве заявителя;
- месте и времени рождения и месте регистрации рождения;
- семейном и служебном положении;
- отношении к воинской службе;
- причинах перемены фамилии или имени;
- новой фамилии или имени;
- несовершеннолетних детей, их именах и возрасте;
- точном адресе заявителя;
- адресе местожительства заявителя за последние 5 лет;
- данных паспорта или иного документа, удостоверяющего личность.

Анализ имеющихся документов позволяет сделать промежуточные выводы. За рассматриваемый период в Вологодский губернский отдел ЗАГС поступило 6 заявлений о перемене фамилий. Причем первое заявление от 09.11.1928 подано сразу тремя заявителями-братьями Ф. В целом подавляющее большинство заявителей — мужчины (7) в возрасте от 19 до 39 лет, холостые, проживавшие в г. Вологде или сельских советах Вологодской губернии. Один из заявителей — студент Ленинградского государственного ветеринарного института (проживал предшествующие 5 лет в г. Вологде), состоявший в браке, но несовершеннолетних детей не имевший.

Единственное заявление от женщины поступило в губернский ЗАГС в конце мая 1929 г. Школьная работница села Спасского Биряковской волости Ольга П. 32 лет, просила сменить свою фамилию, на фамилию, которую носят двое ее несовершеннолетних детей.

Среди причин, побудивших лиц мужского пола сменить свои фамилии, можно назвать следующие: «крайняя неудобопроизносимость фамилии, в результате чего незнакомое лицо почти всегда искажает фамилию, как в устном, так и в письменном виде»⁶, «с 12 лет известен всем по фамилии отчима, поэтому возвращение к прежней фамилии представляет большие неудобства»⁷, «длительное проживание на хуторе в приемной семье в качестве примака и отсутствие каких-либо личных связей с прежней семьей»⁸, «несоответствие фамилии современности и личным убеждениям»⁹ или «напоминание неприятного исторического прошлого»¹⁰.

К заявлению обязательно прилагалась копия документа, удостоверяющего личность (паспорта, а в непаспортизированных местностях — свидетельства о рождении), копия свидетельства о браке (для лиц, состоявших в зарегистрированном браке), копия военного билета (для лиц, подлежащих военной службе), полученная ранее справка финансового органа и подписка заявителя об ответственности за сообщение ложных сведений органам, ведущим регистрацию актов гражданского состояния, на основании ст. 88 УК РСФСР 1926 г¹¹.

⁵ Государственный архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 31, 35 и др.

⁶ Заявление братьев Ф. // Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁷ Заявление Михаила П. // Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

⁸ Заявление Павла С. // Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

⁹ Заявление Анатолия Б. // Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 72.

¹⁰ Заявление Николая Р. // Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 94.

¹¹ Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. Только в одном случае — в деле работника одного из цехов ГВМ Михаила П. такая подписка по неизвестным причинам отсутствует.

Согласно архивным документам, у каждого заявителя также истребовалась так называемая «справка о личности». Другими словами — это справка с места работы, службы, учебы или жительства (для лиц, ведущих собственное хозяйство как частные предприниматели или используемых в качестве наемной силы в таком хозяйстве), подтверждающая факт работы на предприятии (в учреждении, у предпринимателя)¹².

Шаг 3. Рассмотрение поступившего заявления органом ЗАГС по существу, а также направление им запросов в соответствующие учреждения для уточнения сведений, содержащихся в заявлении, которые податель не смог документально подтвердить. Так, в течение трех дней орган ЗАГС направлял запросы об имеющихся препятствиях к перемене фамилии в: местный отдел уголовного розыска НКВД РСФСР о судимости, приводах и розыске заявителя; в Вологодский окружной суд (или иной суд по месту жительства заявителя) — о привлечении лица к судебной ответственности в течение предшествующих пяти лет; местный отдел (отделение) ОГПУ. При этом неполучение ответа в месячный срок приравнивалось к наличию препятствий в перемене имени или фамилии¹³. Наконец, в течение непродолжительного времени органы ЗАГС направляли извещения о лицах, меняющих фамилии, в статистический отдел Наркомата юстиции РСФСР. Однако уже 1 декабря 1929 г. в распоряжение Вологодского окружного административного отдела поступило отношение НКВД РСФСР о недопустимости подобной практики, т.к. п. 7 Инструкции от 26.05.1928 не предусматривает отправку таких извещений¹⁴.

Наконец, орган ЗАГС должен был направить печатный текст объявления в местную официальную газету¹⁵ и газету «Известия ЦИК СССР и ВЦИК»¹⁶ о желании заявителя изменить свою фамилию (или имя). Публикация в обоих изданиях производилась за плату (за счет заявителя) и составляла в сумме 24 руб. Форма объявления была стандартной и обычно помещалась в одном из приложений действующей Инструкции¹⁷. Само объявление об изменении фамилии (имени) подлежало опубликованию в ближайшем номере газеты. Читателям предлагалось заявить в окружной ЗАГС об имеющихся у них протестах к перемене фамилии или имени. Почтовая карточка с вклеенным газетным объявлением, с указанием номера и даты выхода газеты в свет направлялась за подписью заведующего отделом объявлений в губернский отдел ЗАГС. Это служило доказательством, во-первых, факта опубликования объявления в газете, а во-вторых, свидетельствовало о получении редакцией газеты денежных средств за это. Одновременно в губернский финансовый отдел направлялось извещение о пересылке пяти рублей за оказание услуги по перемене фамилии

¹² Иногда подобные справки были очень подробными и содержали сведения о стаже работника, местах его работы в течение предыдущих нескольких лет, составе семьи и др. См., например: справка Тотемского уездного отдела народного просвещения от 11.04.1929, выданная Ольге П. // ГАВО. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 34–36.

¹³ Справка Тотемского уездного отдела народного просвещения от 11.04.1929. Л. 47.

¹⁴ Отношение НКВД РСФСР от 24.11.1929 № 17-2 // Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 93.

¹⁵ В Вологодской губернии такой газетой являлся «Красный север». См.: Объявление о перемене фамилии с Ф. на С. братьями Борисом, Александром и Николаем Ф. // Красный Север. 1928. 15 ноября. № 265. С. 7; Объявления о перемене фамилий гражданами П. и Б. // Красный Север. 1929. 30 августа. № 199. С. 5.

¹⁶ Иногда из-за небрежности сотрудников ЗАГСа объявление направлялось только в одну из газет. В этом случае Губернский отдел ЗАГС направлял на места предостережение о точном выполнении требований Инструкции. См.: Предостережение Тотемскому уездному административному отделу // Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.

¹⁷ См.: Приложение № 11 к Инструкции «О порядке записи (регистрации) актов гражданского состояния: утвержденной НКВД СССР от 27.08.1937 // КонсультантПлюс: официальный сайт. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=E-SU&n=45748#024818389966613963> (дата обращения: 01.11.2020).

(или имени). Указанная сумма подлежала зачислению в доходы местного бюджета (о чем выдавалась соответствующая квитанция)¹⁸.

При отказе в удовлетворении просьбы заявителя о перемене имени или фамилии плата не возвращалась. А заявителю направлялось извещение об отказе.

Шаг 4. Визирование заявления о перемене фамилии (или имени) и внесение соответствующих исправлений в имеющуюся актовую запись о рождении. Разрешение об изменении прежней фамилии (или имени) заявителя давалось губернским административным отделом по истечении не более трех месяцев со дня публикации в газете объявления о перемене фамилии (или имени) и при отсутствии каких-либо препятствий со стороны уполномоченных органов. Если записи о рождении хранились в другом месте, то орган ЗАГС посылал извещение в соответствующий отдел для внесения исправления в актовых книгах.

Так, по делу о перемене фамилии Ольгой П., жительницей г. Тотьмы, заведующим окружным ЗАГСом 18 октября 1929 г. было направлено отношение в Тотемский административный отдел с просьбой сделать отметку в «церковных книгах г. Тотьмы за 1897 г. о перемене гражданкой фамилии с П. на К.»¹⁹. Кстати, материалы этого дела наглядно свидетельствуют, что вследствие как объективных (недосмотр самих работников ЗАГС при приеме документов) так и субъективных причин (непредставление заявителем всех необходимых сведений и документов), сроки рассмотрения заявления могли существенно затягиваться. Так, в искомом случае заявительница начала собирать необходимые справки с начала апреля 1929 г., заявление продала 30 мая, но уже 4 июня получила извещение с резолюцией о дополнении анкеты данными о дате своего рождения, датах и месте рождения детей и необходимости вновь представить весь комплект документов для рассмотрения согласно п. 5 Инструкции от 26.05.1928 г.²⁰. В середине августа 1929 г. в Тотемский РИК окружным отделом ЗАГС направлено отношение, которым напоминалось, что с 17 июля не получены сведения об уплате гражданкой П. сбора в размере 12 руб. за публикацию объявления в местной газете «Красный Север»²¹. А разрешение о перемене заявительницей фамилии было получено лишь 18 октября 1929 г. Таким образом, срок рассмотрения заявления составил почти пять месяцев.

Действовавшая Инструкция № 180 от 26.05.1928 требовала, чтобы регистрация акта о перемене фамилии или имени производилась только в присутствии заявителя. Однако архивные материалы свидетельствуют, что в отдельных случаях допускалось отступление от данного правила. Например, в случае нахождения заявителя по долгу службы, учебы или работы в другом городе и в иных затруднительных ситуациях, органы ЗАГС производили регистрацию акта гражданского состояния в присутствии доверенного лица заявителя или вообще в отсутствии таковых.

Наконец, свидетельство о перемене фамилии (или имени) мог получить как сам заявитель лично, так и любое иное лицо, имеющее от него доверенность. Например, 15 сентября 1929 г. в Вологодский окружной отдел ЗАГС поступило заявление Анатолия Б. с приложением доверенности, которой он уполномочивал свою супругу, гражданку З. Н. Замараеву, получить документ о перемене фамилии с Б. на Г. и произвести в связи с этим окончательный расчет²². Сам заявитель в это время проживал в г. Ленинграде и учился в ветеринарном институте.

Шаг 5. Выдача заинтересованному лицу свидетельства об изменении фамилии (или имени). У заявителя отбиралась расписка о получении искомого свидетельства, а на само свидетельство наклеивалась марка гербового сбора в размере одного рубля за выдачу свидетельства. Расписка о получении последнего позже направлялась местным органом ЗАГС в окружной отдел ЗАГС.

¹⁸ Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 26, 37 и др.

¹⁹ Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.

²⁰ Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

²¹ Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12.. Л. 41-42.

²² Гос. архив Вологодской области. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 12. Л. 91.

Таким образом, можно констатировать, что процедура перемены имен и фамилий советскими гражданами регламентировалась достаточно подробно. Для соискателей новых имен и фамилий введенный советской властью институт предоставлял невиданные ранее возможности реализации своего собственного права на индивидуальность и был хорошим способом отогнать от себя неприятные моменты прежней жизни и остаться самим собой.

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX — начала XX в. — Барнаул : Азбука, 2019. — 148 с.
2. Кириченко К. А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник НГУ. Серия : Право: науч. журнал. — 2007. — Т. 3. — Вып. 2. — С. 18–27.
3. Рудык О. И. Эволюция института брака в советском семейном праве: 1917–1996 : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2015. — 167 с.

REFERENCES

1. Goncharov YuM. Brachno-semeinoe pravo rossiiskoi imperii xix- nachala XX v. [Marriage and family law of the Russian Empire in the 19th- early 20th century]. Barnaul: Azbuka Publ.; 2019 (In Russ.).
2. Kirichenko KA. Evoliutsiia doktrinalnykh podkhodov k institutu rodstva v otechestvennom semeinom prave [Evolution of doctrinal approaches to kinship institution in domestic family law]. *Novosibirsk State University Bulletin. Ser.: Law.* 2007;3(2):18–27 (In Russ.).
3. Rudyk OI. Evoliutsiia instituta braka v sovetskom semeinom prave: 1917–1996: dis. kand. iurid. nauk. [Evolution of the Institute of Marriage in Soviet Family Law: 1917–1996: Cand. Sci. (Law) Thesis]. N. Novgorod; 2015 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.13.1.037-041

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ОПЫТ АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ В ВЫБОРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Морозенская Евгения Викторовна, заведующий Центром изучения проблем переходной экономики Института Африки Российской академии наук, эксперт Российской академии наук, кандидат экономических наук
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
evmorozen@mail.ru

© Морозенская Е. В., 2020

Аннотация. Статья посвящена особенностям государственной системы регулирования хозяйственного развития африканских стран в условиях их постколониальной трансформации и выбора модернизационной модели экономики. Решающее значение в этом процессе имеет разработка и применение таких видов законодательства, как налоговое, земельное, инвестиционное и др.

Ключевые слова: Африка; экономическая политика; государственное регулирование; модель экономики; модернизация; хозяйственное законодательство.

POST-COLONIAL EXPERIENCE OF AFRICAN STATES IN CHOOSING ECONOMIC POLICIES AND ECONOMIC LEGISLATION FORMATION

Evgeniya V. Morozenskaya, Head of the Center for the Study of Transitional Economics, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences; expert, Russian Academy of Sciences
ul. Spiridonovka, d. 30/1, Moscow, Russia, 123001
evmorozen@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the state system of regulation of economic development of African countries in the conditions of their post-colonial transformation and their opting for the modernization model of economy. Crucial importance in this process is placed on the development and application of such types of legislation as tax law, land law, investment law, etc.

Keywords: Africa; economic policy; state regulation; model of economy; modernization; economic legislation.

Начавшееся в освободившихся от колониализма африканских странах 60 лет назад формирование государственного сектора экономики свидетельствовало о возрастании экономической роли национального государства. В большинстве случаев оно выступало в качестве главного хозяйствующего субъекта, способного обеспечить необходимые для преодоления отсталости крупные

инвестиции, провести индустриализацию и организовать управление производством в общенациональных масштабах.

Укрепление позиций африканских государств в сфере развития производительных сил, регулирования обращения, кредитования производства происходило на фоне неустойчивой внешнеторговой конъюнктуры на мировых рынках минерального и сельскохозяйственного сырья, от экспорта которого зависят национальные бюджеты стран континента. Это способствовало неоднократной смене государственной экономической политики — в этом процессе можно выделить четыре основных этапа.

Первый этап (1960–1970) — период поиска африканскими государствами пути самостоятельного развития, по сути — выбора между капиталистической моделью (по образцу бывших метрополий) и социалистической моделью (по советскому либо китайскому образцу). Однако, несмотря на различия между странами континента, избравшими разные модели социально-экономического развития (прежде всего в вопросах регулирования собственности, масштабов и методов административного контроля), во всех них ведущие позиции занял государственный уклад. Это обеспечивалось прежде всего созданием в его рамках базовых отраслей промышленности, стимулированием развития производительных сил в различных секторах экономики, мобилизацией ресурсов общества на преодоление экономической отсталости, регулированием общественного производства и поощрением частного предпринимательства — как национального, так и иностранного¹.

Второй этап (1970–1980), в течение которого предполагался кардинальный сдвиг в преобразовании многоукладной экономики африканских стран в индустриальную в ходе реализации политики «опоры на собственные силы и ресурсы» («self-reliance policy»), ознаменовался глубоким экономическим кризисом. Возможно, если бы не резкое падение в тот период мировых цен на сырье, экономики могли развиваться более успешно, хотя в любом случае Африке не удалось бы избежать накопления огромных долговых обязательств перед международными донорами.

Для стран континента, особенно в Субсахарской Африке, социально-экономические результаты этого этапа развития оказались в целом неудачными, хотя одновременно и неоднозначными. Так, с одной стороны, снижение ВВП (вследствие уменьшения доходов от экспорта минерального сырья) и резкое сокращение доли сельскохозяйственного производства в ВВП (с 16 % в 1965 г. до 10 % в 1985 г.)² спровоцировали масштабный голод, недоедание и безработицу. С другой стороны, во многих странах континента наблюдался определенный рост показателя «реальный доход на душу населения» или, по крайней мере, он поддерживался на постоянном уровне.

Третий этап (с середины 1980-х — до середины 1990-х гг.) — период реформ в соответствии с программами МВФ и ВБ по стабилизации экономики. Реформы базировались на минимизации государственного участия в экономике и активном внедрении рыночных отношений на основе приватизации государственной собственности и либерализации ключевых сфер хозяйственной деятельности, прежде всего внешней торговли и ценообразования.

Результатом реформ стала определенная стабилизация темпов прироста ВВП, внедрение в хозяйственную практику и психологию населения ряда принципов свободного предпринимательства и, отчасти, преодоление тенденции к формированию бюрократического капитализма как модифицированной формы восточно-деспотического государства. Этот результат, дополненный списанием впоследствии долгов государствам Африки их кредиторами и начавшимся ростом мировых цен на минеральное сырье, в какой-то степени смягчил, но не устранил неблагоприятные социальные последствия этих реформ: снижение дохода на душу населения, усиление расслоения по уровню доходов жителей стран Африки, рост безработицы и сокращение социальных услуг.

¹ Африка: современные стратегии экономического развития : сборник статей / отв. ред. И. О. Абрамова, Е. В. Морозенская. М. : Институт Африки РАН, 2016. С. 10–23.

² Radelet S. Emerging Africa: How 17 countries are Leading the Way. Wash., 2010. Ch. 1.

Четвертый этап эволюции государственной экономической политики начался в 2000-е гг., в период так называемого Африканского ренессанса, ознаменовавшийся высокими темпами экономического роста (до 5,7 % в год) и заметным приростом реального подушевого ВВП в половине стран континента (в среднем от 2,0 до 9,7 % в год)³. Несмотря на сохранение острых финансовых, социальных, политических и экологических проблем, институциональные реформы и рациональная экономическая политика позволили странам Африки в той или иной степени продвинуться в догоняющем развитии, росте производительности, уменьшении бедности и повышении международной конкурентоспособности.

Однако поскольку рост макроэкономических показателей был обусловлен в значительной степени не внутренними, а внешними факторами (прежде всего высокими ценами на экспортируемое сырье), на континенте все отчетливее стали проявляться признаки роста участия национального государства в социально-экономическом развитии, в том числе с использованием новых форм (таких, как государственно-частное партнерство).

При этом сохраняются присущие отдельным государствам континента особенности экономического регулирования. Они зависят в значительной мере от характера национальных систем хозяйственного права и от эффективности практического применения различных видов законодательства. В большинстве случаев оно создавалось независимыми государствами заново и неоднократно подвергалось принципиальной переработке в ходе проведения реформ — прежде всего земельной, налоговой, инвестиционной.

Аграрная политика, проводимая государствами континента в течение всего постколониального периода, регулируется национальными программами развития сельского хозяйства и правовыми актами, прежде всего земельным законодательством. Неудачный опыт проведения земельных реформ в Тропической Африке, повлекший еще большее обезземеливание африканцев в результате неравномерного распределения сельскохозяйственных угодий, способствовал усилению политического противостояния, а вопрос о земельной реформе до сих пор остается одним из ключевых пунктов программ, предлагаемых властями ЮАР, Зимбабве, Малави, Уганды и других стран региона.

В связи с этим в последние годы активизировался процесс создания законодательной базы для проведения реальной земельной реформы. В Малави, например, после утверждения парламентом в 2016 г. нового Закона о земле⁴ (взамен земельного закона 1965 г.) были приняты дополнительные законодательные акты — об инвентаризации земель, об общинных землях, о территориальном планировании — и целый ряд поправок к шести уже действующим законам (о зарегистрированных землях, о приобретении земли и др.).

Налоговое законодательство в африканских государствах изменялось неоднократно, но в условиях «прозрачности» границ и увеличения таможенных тарифов практически невыполнимой оказалась задача ликвидации массового уклонения от уплаты налогов производителями и потребителями, предотвращения разрастания масштабного теневого сектора экономики. Это послужило важной причиной ужесточения налоговой политики в ходе реформ по либерализации экономики. Ей были приданы исключительно фискальные функции, что, однако, лишь ненамного улучшило ситуацию: до настоящего времени доля налогов в ВВП остается в африканских странах стабильно низкой (от 3 % в Нигерии до 25 % в ЮАР, но в среднем не выше 15 %)⁵. Росту этого показателя препятствуют прежде всего низкая величина ВВП на душу населения; преобладание в экономике трудно поддающегося налогообложению сельскохозяйственного производства; сохраняющаяся в крупном

³ African Economic Outlook. AfDB/OECD. 2017. P. 37.

⁴ Land Act № 16 of 2016. Pt. III. Sec. 7 // URL: <https://malavilii.org/mw/legislation/act/2016/16> (дата обращения: 01.11.2020).

⁵ Морозенская Е. В. Государственное регулирование экономики в Африке. М. : Институт Африки РАН, 2018. С. 102.

несельскохозяйственном производстве ряда стран Африки значительная доля государственной собственности (налогообложение государственных предприятий не увеличивает доходную часть бюджета)⁶.

Кроме того, следует отметить немногочисленность относительно крупных частных предприятий и наличие обширного неформального сектора, который по определению не может служить объектом более или менее значительного регулярного налогообложения. Сбору налогов в ряде случаев препятствует нестабильная политическая обстановка в странах континента.

Действующие в настоящее время в большинстве африканских стран инвестиционные кодексы были приняты в 2000–2005 гг. (сменив первые кодексы 1990-х гг.). Они содержат увеличенное количество статей (до 65) и включают прежде всего закон об инвестициях, закон об иностранных инвестициях, закон об особых экономических зонах, а также положения законов, связанных с регулированием экономической деятельности иностранных частных предпринимателей (налоговый кодекс, закон о внутреннем рынке ценных бумаг, таможенный кодекс, горный кодекс и ряд других). Между тем сохраняются существенные различия в инвестиционном регулировании в отдельных государствах, что заметно тормозит формирование единого регионального либо континентального рынка инвестиций и в конечном счете затрудняет углубление процессов экономической интеграции в Африке.

Значимость для африканских государств различных направлений государственной политики заметно возрастает под влиянием глобальных финансово-экономических кризисов (особенно негативным оказался кризис 2008–2009 гг. и последовавшая за ним глобальная рецессия), а также экстремальных ситуаций, таких как засухи и эпидемии. Так, разворачивающаяся в настоящее время в Африке эпидемия COVID-19 потребовала проведения срочных мероприятий в целях поддержки и здравоохранения, и экономики в целом. Например, в Нигерии, крупнейшем африканском нефтеэкспортере, правительство направило на поддержание мелких крестьянских хозяйств, в которых занята большая часть населения страны, 128 млн долл. США, а на стимулирование местных предпринимателей в наиболее востребованных отраслях промышленности (особенно связанных с медициной) и сферы услуг — 2,6 млн долл. Были предприняты и налоговые меры — прежде всего снижены ставки по кредитам (с 9 до 5 %) и отсрочены выплаты налога на добавленную стоимость⁷.

Новым вызовом для стран Африки стала и разворачивающаяся в мире Четвертая промышленная революция, поставившая перед ними задачи, нередко противоречащие друг другу: более развитые в экономическом отношении государства ищут возможности для встраивания в ускоряющиеся глобальные процессы массовой цифровизации экономики, а менее развитые страны, составляющие на континенте большинство, ищут пути приспособления к последствиям указанных процессов. Как первая, так и вторая задачи могут быть в той или иной мере решены лишь при условии проведения государствами Африки отвечающей новым вызовам промышленной политики и в целом — социально-экономического регулирования в целях развития на национальном, региональном и континентальном уровнях⁸.

⁶ Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent / ed. by D. A. Bräutigam, O.-H. Fjeldstad, M. Moore. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 114–134.

⁷ Денисова Т. С. Эпидемия COVID-19 в Нигерии // Актуальный комментарий. 08.06.2020. URL: www.inafran.ru/node/2236 (дата обращения: 01.11.2020).

⁸ Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции : сборник статей / отв. ред. Е. В. Морозенская. М. : Институт Африки РАН, 2019. С. 8.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Африка: современные стратегии экономического развития : сборник статей / отв. ред. И. О. Абрамова, Е. В. Морозенская. — М. : Институт Африки РАН, 2016. — 432 с.
2. Денисова Т. С. Эпидемия COVID-19 в Нигерии // Актуальный комментарий. — URL: www.inafran.ru/node/2236 (дата обращения: 01.11.2020).
3. Морозенская Е. В. Государственное регулирование экономики в Африке. — М. : Институт Африки РАН, 2018. — 214 с.
4. Шарма Р. Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире. — М., 2018.
5. Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции : сборник статей — М. : Институт Африки РАН, 2019. — 206 с.
6. African Economic Outlook. AfDB/OECD. 2017.
7. Good Growth and Governance in Africa: Rethinking Development Strategies/ ed. by A. Noman, K. Botchwey, H. Stein, J. E. Stiglitz. — Oxford : Oxford University Press, 2012.
8. Radelet S. Emerging Africa: How 17 countries are Leading the Way. — Wash., 2010. — Ch. 1.
9. Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent / ed. by D. A. Bräutigam, O.-H. Fjeldstad, M. Moore. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

REFERENCES

1. Abramova IO, Morozenskaya EV, editors. Afrika: sovremennyye strategii ekonomicheskogo razvitiia: sbornik statei [Africa: modern strategies of economic development: a collection of articles]. Moscow: RAS Institute of Africa Publ.; 2016 (In Russ.).
2. Denisova TS. Epidemic COVID-19 in Nigeria. Current Commentary. URL: www.inafran.ru/node/2236 (accessed: 01 November 2020) (In Russ.).
3. Morozenskaya EV. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki v Afrike [State regulation of the economy in Africa]. Moscow: RAS Institute of Africa; 2018 (In Russ.).
4. Sharma R. Vzlety i padeniia gosudarstv. Sily peremen v postkrizisnom mire [Ascents and Declines of States. Forces of change in the post-crisis world]. Moscow: 2018 (In Russ.).
5. Ukonomika Afriki v epokhu globalnoi tekhnologicheskoi revoliutsii. Sbornik statei [Africa's economy in the era of the global technological revolution. Collection of articles]. Moscow: RAS Institute of Africa Publ.; 2019 (In Russ.).
6. African Economic Outlook. AfDB/OECD. 2017. P. 37.
7. Good Growth and Governance in Africa: Rethinking Development Strategies (ed. by A. Noman, K. Botchwey, H. Stein, J. E. Stiglitz). Oxford: Oxford University Press; 2012.
8. Radelet S. Emerging Africa: How 17 countries are Leading the Way. Wash.; 2010.
9. Bräutigam DA, Fjeldstad OH, Moore M, editors. Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.13.1.042-048

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ И КОНСТИТУЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Чупилкина Айгуль Фаридовна, врио заведующего кафедрой профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук 443022, Россия, Самара, ул. Рылская, д. 24, корп. В
aygul8@yandex.ru

© Чупилкина А. Ф., 2020

Аннотация. Автор поддерживает замысел В. Е. Чиркина о необходимости развития концепции социального государства, точкой отсчета идей которого стало время после Второй мировой войны. Базируясь на материале В. В. Лазарева о функционировании государства в сфере мемологии, рассценивает COVID-19 как мем, приведший к социально-экономическим потрясениям. Формулирует новый конституционный индикатор социального государства.

Ключевые слова: мировые войны; социальное государство; конституционные индикаторы; мемология; мем; вирусология как государственная политика; COVID-19.

WORLD WARS AND CONSTITUTIONAL TRANSFORMATION

Aigul F. Chupilkina, Cand. Sci. (Law), Acting Head of the Department of Professional Disciplines, Samara Law Institute, Federal Penitentiary Service of Russia
ul. Rylskaya, d. 24, korp. V, Samara, Russia, 443022
aygul8@yandex.ru

Abstract. The author supports V. E. Chirkin idea about the need to develop the concept of a social state. The author refers to the ideas concerning the concept of the social state that originated after the World War II. Based on the Prof. V. Lazarev's doctrine devoted in the field of memology, the author considers COVID-19 as a meme that led to socio-economic upheaval. The author defines a new constitutional indicator of the social state.

Keywords: world wars; social state; constitutional indicators; memology; meme; virology as a state policy; COVID-19.

Конституции западных стран, принятые после Второй мировой войны имеют как особенности, обусловленные историческими, географическими, национальными факторами, так и характерные черты, отражающие общее понимание концепции конституционного построения (отражение либеральных ценностей; уже традиционный для сегодняшнего понимания принцип разделения властей; концепция суверенитета народа и гарантирование личных, социальных, политических, экономических прав и свобод; реализация социальной политики; принципы идеологического и политического плюрализма; закрепление частной,

государственной и иных форм собственности; новое понимание соотношения национального и международного права).

В. Е. Чиркин одним из первых в нашей стране начал анализировать зачатки идей о социальных гранях работы публичной власти и социальной деятельности государства — с древних времен до сегодняшних дней, писал в своих трудах и говорил в своих выступлениях о недостаточной развитости концепции идей социального государства. Правда, с оговоркой о постоянной эволюции концепции, в силу чего она, по всей видимости не сможет считаться завершенной во всех элементах, к тому же на сегодня даже нет окончательной трактовки этого понятия¹. Однако точкой временного отсчета для ее создания и претворения в жизнь в некоторых зарубежных странах стало именно послевоенное время — с другой психологией развития экономического и социального законодательства. Как на отдельный показатель в концепции развития идеи социального государства В. Е. Чиркин указывает на возникновение идеи государства всеобщего благоденствия (с оговоркой о том, что у государства благоденствия все же иные идеи). И совершенно верно для выяснения природы социального государства предлагает вычленить его основные признаки (индикаторы), прежде всего с учетом их конституционного отражения (закрепления), и далее проанализировать их судьбу на практике.

Итак, первый индикатор, закрепленный в конституциях — тезис о социальной функции частной собственности. Если касаться самого факта существования (природы появления) частной собственности, то в совсем недавней статье «Государство в свете мемологии» В. В. Лазарев, невероятно убедительно представил научному миру мем в качестве носителя культурной информации, специализированный ресурс сжатой социальной информации (мем может быть и вирусом; в государственно-правовой области вирусология — это и есть политика, таковые вирусы в политической борьбе целенаправленно используются по воле преуспевающего политического класса). Борьба за существование заложена на генном и меметическом уровнях. На генетическом уровне заложена борьба за выживание и борьба с препятствиями этому существованию. Отсюда — борьба на уничтожение, как следствие — поиск ресурсов наиболее результативной борьбы. Рождение и смена мемов государственности происходят как эволюционно, так и революционно. Революции направлены на уничтожение, они уничтожают и старый мем. Рождение мема собственности — один из таких примеров, «рожденный революцией», он положен в основу государства. «Человек огородил, сказал «это мое» и нашел людей («дураков»), которые в это поверили»².

Мотивация рождения этого мема понятна. Но далее, из тезиса о ее неприкосновенности (Декларация прав человека и гражданина 1789 г.), в Веймарской конституции 1919 г. и Основном законе ФРГ 1949 г. появился «институт балансирования» в виде конституционных формулировок «собственность обязывает», «должна служить общим интересам и пользе». Далее это получает развитие в законодательстве стран в виде отчуждения земель сверх установленной нормы, национализации, запрета некоторых видов предпринимательской деятельности, лицензировании, антимонопольного, тарифного регулирования. Таковые «балансирующие» законы — «для успокоения масс,... чтобы создавалось впечатление народной власти», «государство как общественное формирование должно заботиться и об обществе», «отсюда... теория относительной самостоятельности государства». При этом затруднительно поспорить с аксиомой о том, что «Никогда государственная власть не принадлежала всему народу. Это был самый распространенный симулякр на протяжении всей истории государственности»³.

Вторым конституционным индикатором социального государства В. Е. Чиркин называет включение в основные законы социально-экономические права человека

¹ Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство в сравнительном измерении // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 6. С. 5.

² Лазарев В. В. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 8–9.

³ Лазарев В. В. Государство в свете мемологии. С. 10.

и гражданина. Здесь для конституционной послевоенной трансформации ключевая точка отсчета — 1966 г., дата принятия Международного пакта о правах человека, результат появления которого — закрепление в большей части конституций различных государств социально-экономических прав (на образование, здравоохранение, труд, отдых, государственные пенсии и пр.).

Ю. А. Тихомиров в одной из последних статей «Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы», ставит на вид важность понимания вопроса: «как система законодательства встраивается в решения стратегических задач»? И далее называет в качестве приоритетных поддержку предпринимательства, демографии, экологии и др. Формулирование новых граней социально-экономических прав также представляется как стратегическая для государства задача. Поскольку корифей публичного права пишет о необходимости поворота к совместному решению отраслями, правовыми комплексами стратегических задач не одной страны, но и всего мирового сообщества, согласимся с данным тезисом в очевидности условий нашей жизни в многослойности законодательного регулирования, ведь национальное и международное право порой противоречивы, что ведет к институциональным усложнениям, когда структуры и органы работают в системе разных правовых постулатов. И здесь на первый план — как связующее звено между национальным и международным законодательством, выходят именно конституционные регуляторы стран мира⁴.

Третий конституционный индикатор, вошедший в отдельные конституции в связи с концепцией социального государства, — социальное партнерство / солидарность (в результате принятых поправок-2020 теперь прямым текстом вошедшие в ст. 75.1 Конституции РФ 1993 г.). Вопрос о социальном партнерстве с точки зрения конституционного права и концепции социального государства включает в себя не только регулирование трудовых отношений. Это соглашения политических партий по ключевым вопросам жизни общества (при подготовке Конституции Испании 1978 г.); о правах политической оппозиции (Политическая конституция Колумбии 1991 г., глава «Об оппозиции»); а в ФРГ две крупнейшие оппозиционные партии в 2006 г. на основе соглашения создали общее правительство и т.д.

Указанный третий конституционный индикатор является критерием социально-политической стороны социального государства и является недостаточно изученным как в нашей стране, так и в конституционном праве других государств.

Четвертый индикатор, закрепленный в конституциях — социально-экономическое равноправие и одновременно выравнивание фактического уровня жизни индивидов и общностей (социальных, национальных и др.) вносящих свой вклад в прогрессивное развитие общества. Достижение фактического материального равенства индивидов — отдельная ячейка в исторической памяти нашего народа, в ретроспективе связываемая с аббревиатурой «СССР», «РСФСР». Невозможно сказать, что значительная часть россиян ассоциирует этот период с нашим лучшим историческим опытом. Предположу, что экономическое равенство труднодостижимо и даже противоестественно — мы не можем быть равными по умственному развитию, у представителей человечества слишком разные особенности мышления, различные предрасположенности к видам рабочей деятельности, предпринимательской активности и т. д.

Социальные и национальные общности также не могут быть одинаковыми — вспомним о разности образовательного, историко-культурного развития, различности культурной самобытности, нравственных, эстетических и других ценностей. Но, говоря о социально-экономическом равноправии, подразумевается предоставление со стороны государства равных социально-экономических возможностей индивидам и общностям в соответствии с их статусом в обществе и реальной действительностью.

Пятый индикатор — социальная справедливость. В настоящее время это выражается в конституционном установлении МРОТ некоторых государств, наборе

⁴ Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 7, 12.

минимума товаров и услуг, необходимых для жизни человека, установлении справедливых налогов с прогрессивной ставкой обложения, с решением вопросов социальной инфраструктуры (медицинское обслуживание, образование, доступ к культурным достижениям, жилье, вопросы труда, пособия по безработице, пенсионирование). Статья 75 Конституции РФ в результате поправок теперь имеет запись о том, что МРОТ должен быть не менее величины прожиточного минимума (норма, имеющаяся в Трудовом кодексе РФ с 2003 г., но реализуемая на практике лишь с 2018 г.).

Шестой индикатор — существование социально ориентированной экономики, ее концепция носит сложный и пока не до конца исследованный характер, как один из элементов предполагает государственное планирование и прогнозирование (как в конституциях Италии, Испании, Португалии, Индии и пр.). Об острой необходимости планирования и прогнозирования в праве в выступлениях и печатных материалах часто говорит Ю. А. Тихомиров. Предоставление прогноза — это «не догадка, а умение анализировать процессы развития»⁵. Умение проанализировать день вчерашний, сегодняшний, для того, чтобы сформулировать новое правовое состояние для дня завтрашнего — социального, экономического, политического и др., это важный инструмент регулирования комплексов стратегических задач юридическими конструкциями.

Седьмой индикатор — современное социальное государство как социально-политический арбитр в обществе. Государствам прошлого это свойство также было присуще: в Древнем Риме раба хозяин мог продать, но не убить; в России во времена крепостничества крестьян можно было продать, но только семьями и пр. Государство выступало арбитром, ограничивало всевластие хозяина. В современности развитое социальное государство для удовлетворения социально-экономических требований разных общественных групп законодательно закрепляет способы мирного воздействия на власть, отношения труда и капитала, роль организаций работников и работодателей.

Социальное государство — не абсолютно беспристрастный арбитр. Обращаясь снова к функциям государства в свете мемологии по В. В. Лазареву, процитируем его вопрос: «как осуществить власть, чтобы ее приумножить и продлить ей жизнь в том мемотипе, который угоден властвующим?»⁶. Потому что любое государство прежде всего выражает интересы экономической и политической элиты. Природой заложенная дилемма государственности: «все живое цепляется за жизнь и делает все для ее продления... в общественной среде центровую позицию среди известных средств занимает сила», «Власть имеет естественное происхождение. Ее мощь зависит от основополагающего мема, обеспечивающего жизнь и продолжение жизни данного феномена... До сих пор самой могущественной и востребованной остается государственная власть... Но сегодня конституции ставят на первое место человека, его потребности, права (иногда и обязанности), благополучие... Государство и общество в своем развитии взаимоположены. Общество для своего выживания породило государство. Государство питается соками общества. В каком качестве государство служит обществу?»⁷. Социально-арбитражная роль государства — это:

- проявление воли преуспевающих политиков. В основании государства заложена психология власти, амбиции личностных качеств, питающиеся, среди прочего, и на выявлении сходств и различий предыдущих правителей, желание остаться в памяти народа, истории государства и права красивой «картинкой»-мемотипом;
- давление, требования общества заботиться о себе. «Для успокоения масс, удержания их от революционных мыслей надо делать все, чтобы создавалось впечатление народной власти»⁸. Государство — общественное формирование, с конституционной позиции стало принято рассматривать его как организацию,

⁵ Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы. С. 9.

⁶ Лазарев В. В. Государство в свете мемологии. С. 9.

⁷ Лазарев В. В. Государство в свете мемологии. С. 9, 10.

⁸ Лазарев В. В. Государство в свете мемологии. С. 10.

оказывающую услугу. «Государство всеобщего благоденствия» — это такая благородная цель, вероятно, обусловленная и желанием продолжения его жизни.

Восьмым индикатором является такое не имеющее четких очертаний понятие, как социальные обязанности и социальная ответственность. Наиболее часто приводимым сюжетом социальной ответственности в нашей стране является моральная обязанность бизнеса поддерживать экономически незащищенные слои населения, способствовать развитию государства (социально-экономический сектор, культура), на предприятиях создавать благоприятные условия для работников и пр. Но социальные обязанности и ответственность имеют куда более широкий характер. Забастовка может причинить огромный ущерб стране и обществу, в связи с чем существуют запреты на проведение забастовок по субъектному составу, видам осуществляемой деятельности и т.д. Как элементы социальной ответственности — ограничения для увольнения работников предпринимателем-работодателем, отзыв депутатов в связи с «нерешением» социально-экономических вопросов (в некоторых зарубежных странах), импичмент президенту и некоторым должностным лицам — по большим основаниям, чем совершение тяжких уголовных преступлений (латиноамериканские страны), или даже всем избранным должностным лицам в связи с должностными преступлениями (Доминиканская Республика).

В конституции как нашей, так и зарубежных стран, социальная ответственность индивидов находит свое выражение в обязанностях соблюдать конституцию и законы, платить установленные законом налоги, нести различные виды службы, добросовестно выполнять обязанности по избранной или назначенной должности и пр. Многие такого рода нормы имеют более всего моральный характер, тем не менее в условиях совершенствования социального государства они важны для развития личности. В качестве девятого индикатора в современных условиях прогрессивного инновационного развития следует расценивать острую необходимость подготовки соответствующих данным обстоятельствам государственных и муниципальных «управленцев», развития технологичности государственного аппарата.

В самом начале материала озвучена оговорка В. Е. Чиркина о постоянной эволюции концепции социального государства. Мы видим, что конституции как западных стран, принятые после Второй мировой войны, так и в целом мировая конституционная трансформация, новые вызовы приходящего мира, конечно, обуславливают юридическое и фактическое «лицо» социального государства. И здесь мы подошли как раз к новому вызову современности — уже новому формату мировых войн — биологическим потрясениям, нашедшим свое внешнее выражение в 2020 г. в вирусе под названием COVID-19.

Если говорить о формулировке социального государства Конституции РФ 1993 г., то она закладывает таковой фундамент в ст. 7: достойная жизнь и свободное развитие человека, в ст. 75.1 «...гарантируются защита достоинства граждан...». Но достойную жизнь и свободное развитие затруднительно обеспечивать в состоянии войны, биологической осады и т.д. Достойная жизнь может сложиться лишь у человека с достоинством. К таковой теме имеет отношение глубокий и жизненный материал профессора И. А. Кравца, в которой он пишет о биосоциальной природе человека, связанной с интересами и потребностями, реализуемыми в различных сферах человеческой деятельности. Многие из таких сфер чувствительны к человеческому достоинству, корни которого и концепция вовлекают в процесс осмысления социальной деятельности государства, определения регуляторов в социальной сфере, и в международной юриспруденции берут начало во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Социальная сфера — значимая область влияния достоинства, она создается под влиянием следующих факторов: международно-правовые регуляторы; установление внутригосударственных социально-экономических стандартов деятельности, обслуживания и обеспечения; личные усилия человека; признание социального благополучия в качестве конституционной и юридической ценности⁹.

⁹ Кравец И. А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 42–43.

Говоря о социальном благополучии необходимо напомнить, что социум переводится как «общество». Люди объединяются в группы для общения, решения общих задач. Общение — это человеческие контакты, оно имеет колоссальное значение в развитии как отдельной личности, так и общества в целом. Напомню, что одним из самых суровых испытаний для человека является размещение его в одиночной камере.

В условиях распространения COVID-19 в результате вынужденной самоизоляции, социального дистанцирования, самым острым стал дефицит общения. На этом фоне у людей стали наблюдаться такие симптомы, как депрессии, снижение иммунитета, появление беспокойства и фобий. Одной из востребованных стала профессия психолога. При отсутствии фактических коммуникаций возникают препятствия для самореализации, сохранения внутреннего стержня, достоинства. Между тем через общение, «выход пара» происходит и снятие социальной напряженности в государстве.

Мысленно обращаясь к постулатам В. В. Лазарева, приходит убеждение, что COVID-19 — это тоже мем. Мем, приведший к обвалам фондовых рынков, спекуляциям на рынках определенных медицинских товаров, перераспределению актуальности видов ресурсов (как человеческих, так и материальных, природных), изменению приоритетов потребления, спорта, развлечений и отдыха, снижению или даже полной остановки работы крупных мировых автопроизводителей, закрытию границ и пр. «Вирусология в государственно-правовой сфере есть политика»¹⁰. Даже не вдаваясь в подробности выяснения источника распространения COVID-19 (лабораторная утечка или целенаправленная биоатака), налицо социально-экономические последствия применения био-метаморфоз на землепланетное мироустройство. И если даже вспомнить о самых масштабных пандемиях в новой истории: бубонной чуме 1665 г., «испанке» 1918–1919 гг., «азиатском гриппе» 1957 г., «гонконском гриппе» 1968 г., ВИЧ/СПИД с конца 1970-х гг., «свином гриппе» 2009 г., то следует учесть тот факт, что такая научно-технологическая платформа, как геновая инженерия родилась в 1972 г. (дата создания первой рекомбинантной ДНК). Автор вполне допускает мысль о том, что перечисленные до XXI в. пандемии (при том уровне и соответствующей растерянности медицины) были знаком свыше (болезни приводят людей к раскаянию и делают их менее агрессивными). После же начала XXI в. — при довольно развитой степени медицины и одновременном достижении высот и массовости генетических трансформаций, пугающими становятся непредсказуемость поведения клеток после введения в них рекомбинантных молекул, опасность таковых экспериментов и социальные последствия генно-инженерных опытов (в виде употребления трансгенных продуктов, генетической паспортизацией будущего, изобретения генномодифицированных вирусов).

Ю. А. Тихомиров отмечает, что наука зарубежных стран за последние 3–4 десятка лет особый акцент делает не лишь на материальный субстрат развития общества, но и во многом на интеллектуальные грани, человеческую психику, поведение человека, на проблемы поведенческой экономики: «при этом необходимо уловить закономерность, которая связана с существованием человека и сообществ»¹¹.

Созвучие с такими закономерностями видны и в тезисах В. В. Лазарева о том, что мем социально-психологического свойства имеет большие претензии на самостоятельную жизнь. И в принципе «государство появляется как феномен психики... психические процессы в том или ином виде либо содержании и форме сопровождают все социальные коммуникации»¹². А поскольку государство и общество взаимоположены, массовые истерии, недоверие общества к государственной власти, ее политическом доктринах и, в конце концов, к одному из главных ее предназначений — созданию государственной защищенности, защищенности социума от внешних воздействий,

¹⁰ Лазарев В. В. Государство в свете мемологии. С. 5.

¹¹ Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы. С. 7.

¹² Лазарев В. В. Государство в свете мемологии. С. 14.

подтачивают государственную жизнь и в закономерно-эволюционном ракурсе даже приводят к его гибели. Если у социума отсутствует возможность свободно общаться, следовательно, государство не справляется со своим предназначением.

В связи с вышеизложенным формулирую десятый конституционный индикатор социального государства, на первый взгляд обескураживающий в своей очевидности, но наполняемый содержательными препятствиями в условиях пережитого в 2020 г. — обеспечение свободного межличностного общения. Закрепление этого индикатора в основном законе любого государства автоматически будет являться сдерживающим фактором для организации кластеров (как в Уханьском институте вирусологии) для производства генно-модифицированных вирусов. Джинн, преднамеренно либо непреднамеренно, имеет обыкновение «выходить из бутылки», и для человечества этот сценарий — уже не источник обновления и развития. И что-то подсказывает о живучести и растущих возможностях этого сценария в эпохе грядущего. Но, к примеру, выращивая какую-либо культуру на земельном участке, вероятно, человек отдает себе отчет в том, что семена со зрелого растения могут быть унесены ветром или стать объектом «добычи» для недобросовестного гражданина, что приведет к одному результату — появлению этой культуры на другой земле. Вот и государство (далека от мысли, что подобные кластеры появляются без его ведома) должно действовать с оглядкой — культивирование генно-модифицированных вирусов может привести к закрытию окон и дверей граждан в первую очередь на его, государственной территории. Во вторую очередь — может привести к закрытию окон и дверей граждан других, подхвативших вирус, государств, задачей властей которых будет являться борьба за существование, со всеми препятствиями, снижающими возможность достойной жизни. При этом в первую очередь будет гореть красным конституционным цветом индикатор обеспечения свободного межличностного общения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кравец И. А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. — 2020. — № 1. — С. 41–53.
2. Лазарев В. В. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 5–18.
3. Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 5–16.
4. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство в сравнительном измерении // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2008. — № 6. — С. 5–36.

REFERENCES

1. Kravets IA. Konstitutsionalizatsiia dostoinstva lichnosti i perspektivy prava na sotsialnoe blagopoluchie [Constitutionalization of human dignity and prospects for the right to social well-being]. *State and Law*. 2020;1:41-53 (In Russ.).
2. Lazarev VV. Gosudarstvo v svete memologii [State in the Light of Memology]. *Journal of Russian Law*. 2020;4:5-18 (In Russ.).
3. Tikhomirov Yu A. Pravo: moment pokoia ili operezhaiushchee vozdeistvie na sotsialnye protsessy [Law: A Moment of Stillness or Anticipatory Impact on Social Processes]. *Journal of Russian Law*. 2020;4:5-16 (In Russ.).
4. Chirkin VE. Konstitutsiia i sotsialnoe gosudarstvo v sravnitel'nom izmerenii [Constitution and social state in comparative dimension]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2008;6:5-36 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.13.1.049-053

РАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ НАЧАЛА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Голоскоков Леонид Викторович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
125080, Россия, Москва, ул. Врубеля, д. 12
l.v.goloskokov@mail.ru

© Голоскоков Л. В., 2020

Аннотация. В статье на примере отдельных правовых явлений показаны проявления рациональных и иррациональных начал в сфере права, и исследовано, как это влияет на науку, образование, экономику, состояние дел в стране.

Ключевые слова: рациональное; иррациональное; справедливость; право; наука; образование; экономика.

RATIONAL AND IRRATIONAL PRINCIPLES IN MODERN LAW

Leonid V. Goloskokov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Research Department, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
u. Vrubelia, d. 12, Moscow, Russia, 125080
l.v.goloskokov@mail.ru

Abstract. The article describes manifestations of rational and irrational principles in the field of law on the example of certain legal phenomena, and investigates how they affect the science, education, economy, state of affairs in the country.

Keywords: rational; irrational; justice; law; science; education; economy.

Современное право имеет много разнонаправленных тенденций и направлений развития, из которых мы рассмотрим две связанные между собой самым непосредственным образом — рациональные и иррациональные начала в праве.

Сама сущность права состоит в чисто рациональном действии — упорядочении поведения людей, которое по замыслу законодателя в идеале должно привести к обеспечению поведения правильного и недопущения неправильного, пресечения незаконного действия и наказания нарушителя закона. Здесь нам придется вспомнить про традиционный русский подход, который состоял в большем уважении справедливости, а не закона, и далее рассуждать о праве римском и его всех последующих модификациях, включая современное российское право, которое больше не обращается к понятию справедливости, а в общем европейском русле развития права оперирует понятием законного и незаконного.

С позиции современного российского права опора на неписаное понятие справедливости кажется иррациональной: понятие справедливости не прописано

в миллионах строчек текстов законов, откуда его по любому поводу можно взять и посмотреть, что это такое и как его можно точно применить в конкретной ситуации. Закон же регламентирует все детальным образом.

Рациональные и иррациональные начала, как и определено законом философии о единстве и борьбе противоположностей, переплетены и присутствуют в любом правовом явлении или действии в равной мере. Измерить, присутствует ли ровно 50 % рациональности и 50 % иррациональности в одном явлении, невозможно, для этого нет точных инструментов измерения и методов, однако можно наблюдать, что если в явлении проявилась рациональность, следует ждать, что иррациональное начало тоже проявится, но не обязательно сразу, не обязательно в этой же точке пространства и внутри исследуемого явления, обстоятельства или действия, оно может проявиться позже, рядом или в другом месте.

Возьмем для рассмотрения хорошо видимое правовое явление — стремление законодателя урегулировать все на свете, найти сферы и пространства, не покрытые нормами права, и сочинить что-то, чтобы и там все было урегулировано. На первый взгляд, это чисто рациональное действие — навести порядок в государстве везде и всюду. Соотношение рационального и нерационального в этой части нам поможет выявить метод сравнения.

За весь период СССР Минвуз СССР создал 263 документа. За постсоветский период до июня 2020 г. в недрах Минобрнауки было создано 26 тыс. нормативных правовых актов, включая отмененные и утратившие силу. В 100 раз больше. Колоссальный скачок, и если можно было смотреть только на цифры, то можно было бы подумать, что Россия готовится перейти не в 6 технологический уклад, как весь передовой мир, а в какой-нибудь 10-й или 12-й технологический уклад.

В реальности ситуация обратная, Россия отстала от передовых в научном и технологическом плане стран, количество ученых за этот период уменьшилось более чем вдвое, качество образования упало. Если в советское время в сфере образования не было таких документов, как формы, то сегодня СПС КонсультантПлюс показывает наличие 1184 форм, первая из которых в списке — автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук. Титульный лист (рекомендуемый образец) (приказ Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093).

Итак, сегодня есть узаконенная форма автореферата, но мало самих авторефератов, мало аспирантов, еще меньше докторантов, нет защит диссертаций, если сравнивать с советским периодом. Министр науки и высшего образования В. Фальков называет четыре причины, по которым люди не идут в науку:

- все еще невысокая роль университетов, научных организаций в жизни страны,
- низкий уровень социальной защиты молодых ученых,
- отсутствие достаточного количества интересных проектов,
- невысокий уровень зарплаты¹.

Формы документов появились во множестве, но наука минимизировалась, если обрисовать ситуацию очень мягко. Чрезвычайная рациональность, абсолютно четко задокументированная — 23 тыс. действующих на данный момент нормативных правовых актов и форм, обратилась в свою противоположность — абсолютную иррациональность, которая подавляет мощью своего факта — нормативных правовых актов и форм стало в сто раз больше, а наука и образование резко упали в качестве и продуктивности.

Парадоксально вот что: зная все это, Минобрнауки и вузы продолжают идти по ложной дороге, они ошиблись (если это не прямой умысел), пытаясь вывести науку и образование на некий более высокий уровень путем производства бумаг, отчетов, статей. Говоря о прямом умысле, а не ошибке, можно привести убедительный аргумент: раз ошиблись, два раза ошиблись, но когда 23 тыс. нормативных правовых

¹ Фальков В. «Идеальный» вуз XXI века: 200 студентов — 200 учебных программ // Комсомольская правда. Федеральный выпуск. 15.06.2020. URL: https://www.kp.ru/daily/27143/4236342/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3D-special&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 01.11.2020).

актов разрушили науку и образование, можно ли считать это случайной ошибкой? Бесконечные формы и отчеты мы уже упомянули, осталось обратить внимание на требование количества научных статей. По сравнению с советским периодом их количество выросло на несколько порядков, качество же науки и образования сильно снизилось, как и уровень жизни граждан.

И здесь рациональное на первый взгляд начало (какой же ты ученый или преподаватель, если у тебя нет научных статей?) обратилось в противоположность и стало иррациональностью. Если в естественных, технических науках публикации чаще отражают реальные достижения, открытия, прогресс, то публикации в сфере права, экономики за целые десятилетия не привели к росту экономики и благосостояния граждан, но привели только к их падению. Право обеспечивало нормативными предписаниями экономику, производство, науку и все другие сферы деятельности в государстве, и когда количество правовых норм превысило некий критический уровень, это привело к ухудшению во всех сферах жизни. Это был постепенный процесс, незаметный в данный момент времени.

Рациональность в виде многолетнего последовательного регулирования всего и вся в сфере образования и науки обернулась полной иррациональностью — прямыми и крупными потерями качества. Законодатели и управленцы всех уровней забыли, что закон перехода количества в качество никто не отменял, и никакие министерства и правительства не в силах его отменить, но хотя бы нужно было помнить, к чему приведет гонка за количеством законов, количеством отчетов и научных статей. Исследователи темы науки и публикационной активности отмечают, что «две трети публикуемых в России статей никем не цитируются, а скорее всего, вообще никем и никогда не читаются»². Ложные цели привели к провалу.

В производстве, бизнесе, сельском хозяйстве русское стародавнее рациональное начало, сложившееся на основе длительного опыта, именуемое артелью, заложило основы могущества Российской империи. На излете своего существования советская империя, пытаясь восстановить, сохранить и усилить динамику производственного роста, обратилась прежде всего к кооперативам, то есть к артели. Именно там пытались все зарегулировать³, отсюда пытались получить налоги⁴.

Однако в итоге работавшая в дореволюционной России артель, соответствующая духу и традициям народа, в современной России превратилась в редкую, экзотическую форму (ныне артель регламентируется ст. 106.1 Гражданского кодекса РФ), уступив место западной модели с главенствующими в ней обществом ограниченной ответственностью (ООО) и акционерным обществом (АО), в которых дух артели был подавлен законом, и эти западные формы стали абсолютно преобладающими количественно. Справедливость, соответствующая духу и сущности артели, заменилась законностью, прописанной до чрезвычайно мелких деталей в ГК РФ, законах об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью.

Отсутствие категории справедливости в АО и ООО и замена ее категорией законности привели к накоплению несправедливости в другом: хозяин ООО и АО стал быстро богатеть за счет недоплаты остальным работникам; разные обстоятельства и условия в недавней истории (приватизация, залоговые аукционы и др.) привели к резкому накоплению капитала у одних, но за счет отъема его у других, появлению класса олигархов, и по сути к возврату к феодально-рабовладельческому строю в новой, современной технологической оболочке так называемой демократии, либерализма, информационного общества, цифровой экономики и прочих

² Арутюнов В. С. Наука как один из важнейших институтов современного государства // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В. С. Арутюнова, Г. В. Лисичкина, Г. Г. Малинецкого. М.: Либроком, 2009. С. 18.

³ Указ Президиума ВС РСФСР от 25.12.1989 «О регулировании цен на товары (услуги), производимые и реализуемые кооперативами населению и организациям» // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 52. Ст. 1556.

⁴ Указ Президиума ВС СССР от 23.02.1989 № 10169-XI (ред. от 02.08.1989) «О подоходном налоге с кооперативов» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 62.

терминов, описывающих современную реальность, сутью которых оказалось банальное обогащение одних за счет обнищания других. Как это называлось, какой сегодня на дворе строй — это все слова, они могут быть разными, никто и не хочет вдаваться в описания современного состояния общества и государства, и как это правильно назвать. Накоплены такие капиталы, которые позволяют их владельцам закрыть доступ как к исследованиям современного феодализма и рабовладения, так и оглашению их результатов любому одиночному исследователю, крупному институту или даже множеству институтов разных стран. Названия процессов никого не интересуют, важна их суть, а она оказалась так же проста, как и при рабовладельческом обществе — накопление капитала хозяевами денег и бизнеса за счет отъема его у рабов, которых таким словом хозяева теперь ни в коем случае и никогда не называют — политкорректность!

Таким образом, на примере модели артели мы видим, что в России исконно справедливые начала и рациональность в исторически краткие сроки полностью сменились иррациональными началами и несправедливостью, которые привели к появлению класса олигархов и работающих на увеличение их богатства людей. Еще один результат отказа от начал рациональных и справедливости в пользу начал иррациональных состоит в том, что при росте в постсоветский период числа АО и ООО постепенно, но быстро происходила деиндустриализация страны, и теперь, когда говорят, что в России капитализм, свобода, равенство и братство (лозунги либерализма) фактически оказалось сломана промышленность, наука и образование, а как производные от этих элементов, также и медицина, пенсионное дело, весь социальный блок и пр. И на этом примере мы видим, как ломаемая рациональность тут же порождает иррациональность, замещающую рациональность ровно в степени ее слома.

Ученые ищут теоретические основы справедливости, в частности Дж. Ролз пишет, что «справедливая система должна генерировать собственную поддержку. Это означает, что она должна быть устроена таким образом, чтобы вызывать в своих членах соответствующее чувство справедливости, действенное желание вести себя в соответствии с ее правилами, исходя из доводов справедливости»⁵. Однако мы видим на примере справедливо устроенной модели артели, что данное теоретическое положение совершенно не сработало, и никакие внутренние силы поддержки не смогли сломить тенденцию слома справедливой модели и замены ее на несправедливую. В рамках несправедливой системы (в нашем случае это АО и ООО и на примере только России), которая ее демиургами, разумеется, считалась рациональной, осуществлялись различные экономические модели, в основном связанные с главным — инвестициями капитала в какие-то важные направления для хозяев капиталов.

Эти инвестиции делались на основе научного знания, типичным примером которого может быть учебник «Инвестиции»⁶, позиционирующий себя как самый популярный в мире. В нем, начиная с его первого издания в 1978 г., показано, видимо, почти все, что можно в области инвестиций: рыночные модели, ценные бумаги, риски, портфели, фьючерсы, опционы, финансовый и технический анализ и т.д. По нему учились и российские экономисты. Применение рационального знания из лучшего учебника, поверенного математикой и западным опытом, на практике и в рамках российских реалий к 2020 г. привело к тому, что инвестиции из России ушли почти полностью и возвращаться не собираются. Западное рациональное знание на российской издавна иррациональной почве категорически не прижилось и не смогло реализоваться. Инвестор в виде простого гражданина, силами которого осуществляется, например, жилищное строительство, минимизировался, потому что доходы граждан уменьшились, и их инвестиции во что бы то ни было сократились.

⁵ Ролз Дж. Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 2-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010. С. 234.

⁶ Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции : пер с англ. М. : Инфра-М, 2006. XII, 1028 с.

Иностранные инвесторы по большому счету тоже ушли. Остались учебники по инвестициям и биржевые спекулянты.

Отсутствие глубокого понимания действия законов природы, законов философии, которые действуют неумолимо и независимо от желания властей, законодателя, неизбежно приводит к печальным результатам в любой деятельности, в том числе в сфере права и экономики, однако общую необразованность управленцев ликвидировать почти невозможно, так как они уверены в своей непогрешимости и учиться не хотят ничему. Они верят в силу денег и в силу своего приказа, который, как они полагают, за деньги или за страх будет непременно выполнен. Это рациональное начало мышления (деньги и страх).

Однако мир держится не только на деньгах и страхе, но и на действии других категорий, которые не являются рациональными, но которые обладают не меньшей силой влияния на любые события, явления, действия и намерения. Это иррациональные начала. Их время действия может быть растянуто, пространство действия размыто, оно может казаться аморфным, киселеобразным, почти не существующим, а сами процессы иррационального не всегда видны. Но они накапливаются и в какой-то момент предстают в виде железобетонной стены, сметающей все рациональное беспощадно и безжалостно. Такие периоды в истории называют революциями.

Взаимодействие рациональных и иррациональных начал образует сложную и динамичную картину мира, и наша задача состоит в том, чтобы видеть ее не только постфактум, но прочитывать ее заранее или даже формировать.

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнов В. С. Наука как один из важнейших институтов современного государства // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В. С. Арутюнова, Г. В. Лисичкина, Г. Г. Малинецкого. — М. : Либроком, 2009. — С. 9–29.
2. Ролз Дж. Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. — Изд. 2-е. — М. : Издательство ЛКИ, 2010. — 536 с.
3. Фальков В. «Идеальный» вуз XXI века: 200 студентов — 200 учебных программ // Комсомольская правда. Федеральный выпуск. 15.06.2020. URL: https://www.kp.ru/daily/27143/4236342/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3D-special&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 01.11.2020).
4. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции : пер. с англ. — М. : Инфра-М, 2006. — XII, 1028 с.

REFERENCES

1. Arutyunov VS. Nauka kak odin iz vazhneishikh institutov sovremennogo gosudarstva [Science as one of the most important institutions of the modern state]. In: Arutyunov VS, Lisichkin GV, Malinetskiy GG, editors. Nauka Rossii. Ot nastoiashchego k budushchemu [The Science of Russia. From the present to the future]. Moscow: Librokom Publ.; 2009 (In Russ.).
2. Rolz Dzh. Teoriia spravedlivosti [Theory of Justice]. Transl. from English. Tselishchev VV, editor. 2nd ed. Moscow: LKI Publ.; 2010 (In Russ.).
3. Falkov V. «Perfect» University of the 21st century: 200 students — 200 curricula. *Komsomolskaya Pravda. Federal issue* (15 June 2020). URL: www.kp.ru/daily/27143/4236342/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3D-special&utm_source=YandexZenSpecial (accessed: 01 November 2020) (In Russ.).
4. Sharp W, Aleksander G, Baily Dzh. Investitsii [Investments]. Moscow: Infra-M Publ.; 2006 (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: +8 (499) 244-88-88 (доб. 556)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

1 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE